Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Суббота, 20 марта 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 15 (651)

РУКОВОДИТЬ ПО-НОВОМУ

Задача перестройки писательских организаций на основе широкого развертывания большевистского воспитания членов ССП, развития самокритики и строжайшего соблюдения требований внутрисоюзной демократии требует от центральных органов союза писателей усиления руководства республиканскими союзами и местными отделениями ССП. Между тем, как раз в этой области работа правления ССП СССР страдает множеством существенных недостатков.

Правление союза очень часто ограничивает свою работу кругом вопросов, касающихся жизни московских и ленинградских писателей. Надо заметить, что в отношении руководства ленинградской писательской организацией мероприятия правления также не отличаются особой активностью и своевременностью. Состояние работы ленинградского отделения ССП, факты «захирения» ленинградской организации писателей, потребовавшие смены руководства, были известны правлению ССП очень давно. Но это не вызвало ни обсуждения ленинградских дел в руководящих органах правления, ни конкретных мер помощи ленинградскому отделению. Только сейчас несколько членов правления работают в Ленинграде, помогая перестройке писательской организации.

Руководство писательскими организациями в республиках, краях и областях носит, за редкими исключениями, характер канцелярской переписки. Руководители писательских организаций периферии справедливо указывают, что такое руководство их не удовлетворяет. Если в прошлом в отдельные республики правление ССП направляло группы московских и ленинградских писателей (так называемые «бригады») для помощи местным организациям, то за последнее время «бригады» уже не организуются. Между тем, **при надлежащем подборе людей** (а в прошлом он далеко не всегда был надлежащий) поездки крупнейших писателей страны в республиканские и областные центры для творческой и организационной помощи работе литорганизаций могли бы значительно оживить руководящую работу правления ССП.

Необходимо возобновить деятельность созданных еще при участии А. М. Горького специальных комиссий по изучению литератур братских республик СССР — некоторые из них, например, украинская, в свое время оказали существенную помощь в работе. Необходимо также наладить систематические выезды членов всесоюзного писательского центра на периферию; если беспощадно изгнать из практики таких выездов элементы банкетной шумихи, они будут неплохой формой живого руководства. Трудно понять, почему такие выезды — редчайшее явление в практике работы союза. Никакая бумажная информация, никакие «обследования», производимые иногда аппаратными работниками правления, не могут заменить живого общения руководителей союза с местными писательскими организациями.

Пренебрежение к вопросам живого руководства периферией находит выражение в том, что вопросы связи с местными организациями ССП почти целиком передоверены второстепенным работникам аппарата правления, что вызывает вполне справедливое недовольство многих писателей, приезжающих в Москву.

Серьезным нарушением внутрисоюзной демократии является тот факт, что писатели — члены правления ССП, живущие вне Москвы, фактически не участвуют в повседневном руководстве работой союза. Раз в год они с'езжаются на пленумы правления — и это все. Серьезных попыток наладить постоянное их участие в руководящей работе не делается. А организовать это дело, в сущности, очень просто. Непреодолимых препятствий здесь нет. Между тем, такое участие способствовало бы ликвидации той несомненной оторванности правления ССП от жизни периферийных организаций союза, которую отмечали в своих выступлениях многие делегаты последнего пленума правления. Писателей уже не может удовлетворить простое перечисление новых книг, написанных литераторами братских республик СССР, не сопровождаемое серьезным анализом этих произведений, преподносимое обычно на пленумах правления в качестве иллюстрации роста литературы. Они требуют от руководителей серьезного критического разбора своей продукции, а он не может быть организован без участия в руководящей работе всех членов правления ССП и, в первую очередь, представителей литератур братских республик, хорошо знающих деятельность представляемых ими отрядов всесоюзной советской литературы. Такое участие исключило бы, вместе с тем, возможность принятия важнейших решений, касающихся жизни всей писательской организации, неправомочными, в значительной мере случайными по своему составу собраниями, как это часто бывает в практике правления.

Не зная по-настоящему о том, что делается в национальных отрядах нашей литературы, правление ССП не может конкретно и диференцированно руководить литературными организациями. Помимо повседневного участия представителей республик в деятельности правления, руководящую работу значительно облегчил бы кадр квалифицированных консультантов, постоянно изучающих явления литературной жизни республиканских писательских организаций. Но таких консультантов у правления нет.

Не может быть терпимо далее такое положение, когда на заседаниях руководящих органов союза обсуждаются, главным образом, вопросы работы московских писателей. Обсуждалось ли правлением по-деловому положение в союзе писателей Армении после разоблачения целой шайки врагов народа, орудовавшей в руководящем органе армянских писателей? Ставились ли на обсуждение всесоюзного руководящего писательского центра вопросы творчества крупнейших писателей братских республик? Ряд сигналов свидетельствует о серьезном неблагополучии в работе правления Белорусского союза писателей, о «захирении» литературной жизни в Горьком. Но эти факты не привлекают внимания руководящей писательской организации. Как будто свет клином сошелся на Пильняке, тончайшие переживания которого так азартно обсуждались недавно обширным собранием московских литераторов!

Представители всесоюзной литературы встречаются у нас на пленумах правления ССП. Но эти пленумы страдают частенько изобилием парадной шумихи и общих разговоров. Особенно характерен в этом смысле был прошлогодний «поэтический» пленум в Минске, прошедший при полном отсутствии самокритики, под знаком взаимных расшаркиваний и заверений в совершенном почтении. Не лишен был элементов парадности и последний пленум правления ССП. Настоящей критики недостатков работы, в частности, серьезных прорывов в деле подготовки произведений к двадцатой годовщине Великой Пролетарской революции (например, на фронте драматургии) на пленуме не было развернуто. Не была подвергнута критике работа республиканских писательских организаций по подготовке к великой годовщине, а между тем, сигналы из многих мест, в частности, из Белоруссии, дают основание для тревоги.

Надо добиться, чтобы пленум правления ССП стал действительно всесоюзным руководящим писательским органом. А для этого нужно готовить его заседания по-деловому, изгнав из практики парадные выступления и общие славословия по поводу роста литературы. Литература наша растет — это бесспорный факт, но задача руководящего литературного органа заключается не в бесконечном повторении этой истины, не в парадном перечислении множества названий книг и фамилий авторов, а в проникнутом большевистской самокритикой раскрытии недостатков работы, в устранении тех препятствий, которые тормозят развитие литературы и обуславливают ее отставание от требований читателей, от требований эпохи. При анализе фактов и процессов литературной жизни надо всегда иметь в виду не ту или иную группу московских или ленинградских писателей, а всю нашу всесоюзную литературу. Без этой ориентировки подлинная руководящая работа всесоюзного писательского центра невозможна.

Общее собрание ленинградских писателей

По телеграфу от нашего корреспондента

ЛЕНИНГРАД, 19 марта. Открывшееся 17 марта в Ленинграде общее собрание писателей — первое собрание ленинградской литорганизации (со времени Всесоюзного писательского с'езда!), на котором отчитывалось правление Ленсоюза.

— Правление Ленсоюза,—сказал в отчетном докладе Н. Тихонов,—превратилось в бюрократическую канцелярию, оторвавшуюся от писательской массы. Правление ни в какой мере не выполнило своих задач по руководству политической и творческой жизнью союза. Затесавшиеся в руководящие органы союза враги народа сознательно срывали все политические мероприятия и творческие начинания союза.

— Когда я приехал с Чрезвычайного с'езда Советов, — рассказывает Н. Тихонов, в качестве примера саботажа политической работы, проводившегося в Ленсоюзе, — когда я хотел рассказать писателям об этом историческом с'езде бывший отв. секретарь союза, ныне разоблаченный враг партии Горелов, долго оттягивал организацию с'ездовского вечера. Лишь после того, как я сделал семь докладов — и в Доме ученых, и в городском Лектории и т. д., — мне удалось выступить и в писательском клубе. Такими методами срывались и другие политические мероприятия.

Сейчас стала особенно ясной вредительская роль врагов народа в работе Ленсоюза. Но могут ли снять целиком ответственность за деятельность (вернее, бездеятельность!) руководящих органов Ленсоюза другие члены правления ЛенССП — коммунисты и беспартийные? К сожалению, на этом вопросе председатель ЛенССП Н. Тихонов остановился недостаточно.

С большим докладом выступил Н. Свирин, давший политическую характеристику явлениям, имевшим место в ленинградской литературной организации, в которой до последнего времени орудовали враги и вредители. Перед ленинградским отрядом писателей стоит огромная задача—ликвидировать следы этого вредительства на литературном фронте, создать к 20-летию Октября большие художественные произведения, достойные великого праздника пролетариата. Обзору творческой работы к 20-летию Н. Свирин посвящает значительную часть своего доклада.

С утра 18 марта начались прения. Почти все выступившие писатели резко критикуют работу правления союза и планы издательства к 20-летию Октября. Ряд ораторов требует новых выборов правления.

Работой собрания руководит избранный поименным голосованием президиум.

Подробный отчет о собрании ленинградских писателей будет дан в следующем номере «Литературной газеты».

Об итогах Пленума Центрального Комитета ВКП(б)

РЕЗОЛЮЦИЯ СОБРАНИЯ АКТИВА МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВКП(б) ПО ДОКЛАДУ тов. ХРУЩЕВА

Заслушав и обсудив доклад тов. Хрущева об итогах очередного Пленума ЦК ВКП(б), собрание партийного актива Московской организации в количестве более 2000 человек целиком одобряет решения Пленума и требует от партийных организаций, партийных руководителей и от каждого коммуниста неуклонного проведения их в жизнь.

Партийные организации должны во всеоружии встретить поворот в политической жизни страны, связанный с введением Сталинской Конституции. Для этого, как указал Пленум ЦК ВКП(б), партийные организации сами должны проводить последовательно демократическую практику, должны проводить до конца во внутрипартийной жизни основы демократического централизма, обеспечить коренную перестройку всей партийно-политической работы.

Пленум ЦК со всей резкостью вскрыл и осудил недостатки партийной работы, пользуясь которыми враги партии, агенты фашизма сумели проникнуть не только в хозяйственные органы, но и в наши партийные организации и вести там подрывную работу.

Эти недостатки заключаются, прежде всего, в том, что часть партийных руководителей, увлекшись хозяйственными успехами, стала постепенно отходить от партийно-политической работы, терять вкус к пропаганде марксизма-ленинизма, к политическому воспитанию масс, стала свертывать критику наших недостатков и самокритику, стала отходить от прямой ответственности перед партийными массами, стала отрываться от масс и нарушать выборность парторганов, предусмотренную уставом партии.

Партийные организации и партийные руководители не сделали всех выводов из неоднократных предупреждений и указаний Центрального Комитета о необходимости повышения революционной бдительности, о том, что чем серьезнее наши успехи, тем бешеней становится враг, тем острее становится его сопротивление.

Многие партийные руководители забыли, что СССР находится в капиталистическом окружении, что буржуазия непрестанно засылает и будет засылать к нам своих шпионов и диверсантов, проглядели, что троцкизм уже давно перестал быть политическим течением в рабочем движении, что троцкисты являются находкой для капиталистических стран в формировании ими всяких антисоветских диверсантских и шпионских банд.

Собрание Московского партийного актива решительным образом осуждает нарушение основ внутрипартийной демократии, предписываемых уставом партии. Большинство райкомов и первичных партийных организаций Москвы и Московской области не отчитывались свыше 3-х лет перед партийными массами, их избравшими, и допустили совершенно нетерпимую практику кооптации в руководящие партийные органы (кооптировано 17% состава райкомов области). Это говорит об отходе руководителей партийных органов от контроля, от ответственности перед партийными массами.

Собрание актива считает совершенно недопустимым такое положение, когда в ряде партийных организаций Москвы и области партийные собрания и пленумы райкомов превратились из арены большевистской критики и самокритики в арену нескончаемых парадов, шумливых рапортов об успехах, никому ненужных приветствий по адресу руководителей партии.

Собрание актива отмечает, что пленумы районных комитетов собираются крайне редко, мало обсуждают конкретные вопросы партийной работы, отчеты Бюро райкомов и первичных парторганизаций.

Собрание отмечает также, что редко собирались пленумы Московского городского и областного комитетов ВКП(б).

Собрание актива считает совершенно недопустимым, что многие партийные руководители не выполнили указаний Центрального Комитета партии об исправлении ошибок, допущенных в Московской партийной организации в отношении исключенных из партии во время проверки и обмена партийных документов по мотивам пассивности и малозначащим проступкам. Это особенно относится к Дзержинскому, Железнодорожному, Молотовскому, Свердловскому райкомам г. Москвы, Коломенскому райкому области, которые при проверке и обмене партийных документов не заметили и не разоблачили врагов партии — троцкистов и правых, выдали им новые партийные билеты, проявив в то же время бездушное отношение к честным коммунистам, исключив многих из них за так называемую «пассивность» и маловажные проступки. Собрание актива одобряет решения Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) о наложении партийного взыскания на 1-го секретаря Дзержинского райкома т. Перчик и 1-го секретаря Ростокинского райкома т. Симакова.

Собрание актива отмечает неудовлетворительную постановку пропаганды марксизма-ленинизма, политической агитации и руководства печатью в Московской партийной организации. Особенно плохо поставлена эта работа в райкомах: Красногвардейском, Сокольническом, Таганском, Первомайском, Фрунзенском, где секретари передоверили руководство пропагандой и печатью второстепенным работникам аппарата и не помогали им в их работе.

Собрание актива требует от партийных организаций, от партийных и хозяйственных руководителей сделать все выводы из уроков вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов и их правых сообщников, нанесших немалый ущерб промышленности и транспорту. Большевики должны усвоить до конца—как этого требует Центральный Комитет нашей партии, задачу овладения большевизмом. Лозунг «большевики должны овладеть техникой» должен быть теперь дополнен лозунгом об овладении большевизмом.

Выборы партийных органов на основе закрытого (тайного) голосования кандидатов должны быть проведены под знаком большевистской самокритики, ликвидации всех недостатков в партийной работе каждой парторганизации, мобилизации бдительности коммунистов и их активности. Такое проведение выборов поднимет ответственность каждого руководителя перед партийными массами, ударит по элементам семейственности, групповщины и будет способствовать выдвижению способных, лучших, преданных партии и ее Центральному Комитету большевиков.

Собрание актива считает партийным долгом каждого руководителя, каждой парторганизации глубоко изучить решения Пленума ЦК ВКП(б), развернуть честную революционную самокритику, по-большевистски осуществлять подбор партийных кадров и поставить на должную высоту марксистско-ленинское воспитание их, сделать проверку выполнения системой своей работы, со всей настойчивостью бороться за ликвидацию недостатков партийной работы, перестроить партийно-политическую работу в полном соответствии с требованиями Пленума Центрального Комитета партии.

Под руководством Центрального Комитета партии наша страна одержала решающие победы в борьбе за коммунизм и построила социалистическое общество.

Под руководством Центрального Комитета партии — вперед к новым победам коммунизма!

*

Собрание актива одобряет решение Пленума ЦК ВКП(б) об исключении Бухарина и Рыкова из рядов ВКП(б) за антипартийную предательскую деятельность, направленную на уничтожение социалистических завоеваний рабочих и крестьян и на восстановление капитализма.

Дневник «Литературной газеты»

В литературной среде довольно распространено определение ССП как «литературного департамента».

Пусть это определение грешит чрезмерной категоричностью, но во многом оно отвечает истинному положению вещей, и закрывать глаза на это не следует. Из бесед, проведенных сотрудниками «Литературной газеты» со многими писателями, из встреч с представителями областной и краевой литературы, состоявшихся в редакции «Литературной газеты», можно извлечь один неоспоримый вывод:

Связь правления ССП с писательской массой — в основном связь канцелярская, анкетная, бытовая, какая угодно, но не творческая. Не приходится уже говорить о периферии. Даже в Москве проживают крупнейшие писатели, к которым правление «в принципе» относится очень хорошо, но о работе которых не имеет ни малейшего представления. В качестве примера можно взять хотя бы такого крупного поэта, как Перец Маркиш. Он один из самых трудоспособных поэтов нашей страны. За последние только два года Маркиш написал поэму о Днепрострое в семь тысяч стихотворных строк, он уже написал четыре тысячи строк новой поэмы и одновременно работает над вторым томом прозаического романа «Из поколения в поколение».

Характерно, однако, что, по свидетельству самого поэта, руководство ССП абсолютно **забыло о нем,** не вспоминает его, не интересуется его работой, не принимает никаких мер к тому, чтобы о ней узнала широкая литературная общественность. Правда, каждую осень регулярно в течение нескольких лет Маркишу «названивают» из союза и предлагают организовать творческий вечер. Но тем дело и кончается.

Что уже говорить о так называемых «рядовых» писателях. Многие из них даже не скрывают, что, наученные горьким опытом недавнего прошлого, они не делают уже попыток лично встретиться с руководством ССП, когда испытывают в том нужду.

Известно, что для многих писателей кабинет ответственного секретаря союза в течение долгого времени являлся своего рода укрепленным районом, проникнуть в который могли только люди, вооружившиеся достаточным запасом терпения и настойчивости. В последнее время положение начало меняться, но писатели уже отпугнуты, и мало что делается для того, чтобы вернуть им сознание своего права свободно и легко входить на территорию ССП, права чувствовать себя хозяевами организации.

Когда говоришь о союзе писателей, то в первую очередь, естественно, вспоминаешь о том, что при нем существуют какие-то секции, призванные проводить какую-то работу, что при нем существует Дом писателя и т. д., и т. п.

Но можно ли говорить об этих секциях и о ДСП как о явлениях, **ощутимых** в литературной действительности, как о чем-то весомом, неот'емлемом от писательской среды?

В нынешнем своем виде большинство секций союза писателей абсолютно не отвечает своему назначению, и их исчезновение едва ли было бы кем-нибудь замечено и оплакано. Что делает, например, секция детской литературы? Кого она воспитывает? Кого организует? Кому помогает? Никому. Секция влачит унылое, скучное существование, и правление ничего не предпринимает для того, чтобы оживить ее работу.

Что думает по этому поводу т. Ивантер?

Столь же грустно обстоит дело и с национальной секцией. Здесь все дело передоверено второстепенным работникам.

— Связь с Москвой,—заявили, например, крымские писатели Умэр Ипчи и Шеми-Заде,—заключается в получении из центра различных циркуляров и изредка—в обмене письмами и телеграммами... Вся работа писателей Крыма проходит без какого-либо руководства со стороны национальной секции ССП СССР, **где не знают даже фамилий крымских писателей.**

Руководитель ССП Башкирии т. А. Тагиров говорит почти теми же словами:

— Руководство правления ССП сводится к тому, что время от времени, с промежутками в два-три месяца, мы получаем бумажку с тем или иным указанием, запросом и т. д. В союзе писателей все разговоры с работниками аппарата правления обычно ограничиваются тем, что мне приходится отвечать на те или иные анкетные вопросы.

Тот же т. Тагиров сообщает, что в правлении ССП выделен инструктор по Башкирии, но в чем заключается его работа и помощь союзу писателей Башкирии—неизвестно.

О «внимании» к братским литературам свидетельствует и следующий факт, сообщенный нам таджикскими писателями,—участниками пушкинского пленума: два года назад послали они на утверждение правления ССП список девяти человек—для перевода их из кандидатов в члены союза. И в течение двух лет, как говорится, «ни привета, ни ответа».

Таких фактов очень много. Все они говорят об отсутствии живой связи центра с литературными организациями. Вместо творческого контакта, вместо постоянного, неслабеющего общения, вместо всестороннего знания литературной действительности каждой области, каждого края, каждой республики — анкеты, циркуляры, бумаги. Это—прочная традиция в системе ССП, и эту традицию нужно, наконец, сломать. В секциях союза должны сидеть не любители и не канцеляристы от литературы, а люди авторитетные, активные, хорошо ориентирующиеся в вопросах литературной политики, способные правильно информировать руководство о положении на всех участках литературного фронта, люди, имеющие определенные принципиальные установки.

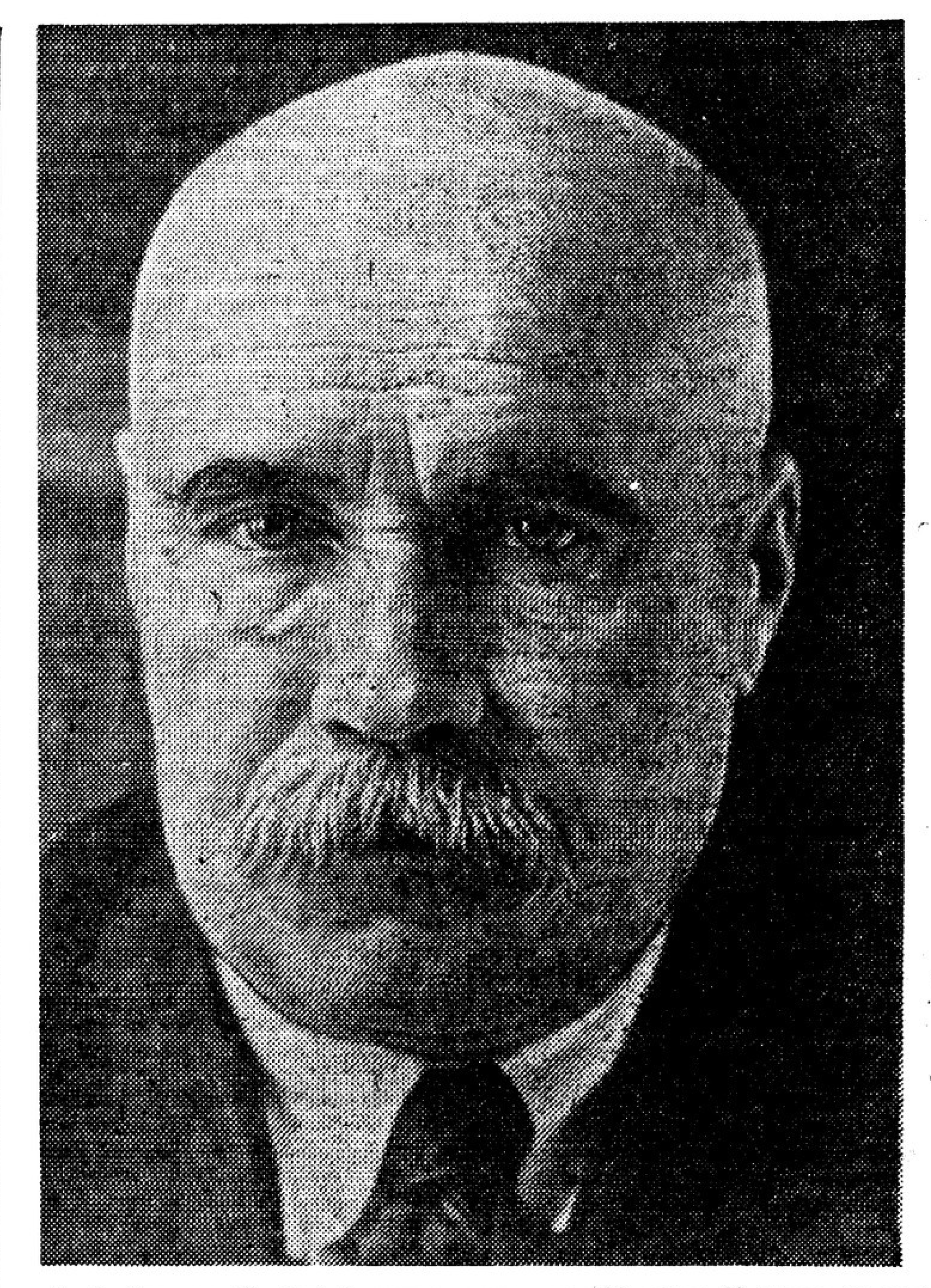
Узким местом в работе правления ССП является безусловно и **Дом советского писателя.** Правление предоставило Дом самому себе, и из этого ничего хорошего не получается. Нет в нем живой жизни, не стал он притягательным центром для писателей. Нельзя сказать, что дирекция ДСП не проявляет никакой инициативы, не пытается привлечь писателей. Но ей это не удается. На подавляющем большинстве мероприятий ДСП присутствует лишь окололитературная публика. Когда же в ход пускаются строгости, и право доступа получают лишь действительно члены ССП и кандидаты, то залы оказываются настолько пустыми, что приходится создавать «видимость» путем... перевода публики в самый маленький зал (так случилось и 15 марта на вечере памяти Д. Фурманова).

Нужно подумать об этом. Нужно сделать попытку поговорить с писателями всерьез, выяснить, что их так отпугивает от ДСП, почему они такие редкие гости в нем, чего они ждут от него.

Но правление ССП мало интересуется этим вопросом. А ведь при правильной постановке дела можно было бы добиться того, чтобы Дом стал необходимостью для писателя, местом его отдыха, где к его услугам одновременно были бы и всякие виды производственной помощи.

Пора общих слов, обещаний, деклараций бесповоротно прошла. Новые задачи стоят перед литературой величайшей демократии, новой жизнью должна зажить и руководящая литературой организация.

Надо уничтожить режим бумажной связи с членами союза и с местными организациями, создать в пределах союза подлинно демократическую атмосферу, дающую каждому писателю возможность ощутить себя полноценной частицей всего коллектива. Без этого немыслима настоящая творческая среда, настоящий творческий под'ем.

А. С. Новиков-Прибой (к исполняющемуся 24 марта 60-летию со дня рождения)

Фото М. Маркова

СОЗДАТЕЛЬ НАРОДНОЙ КНИГИ

Дорогой Алексей Силыч!

Правление союза советских писателей СССР вместе со всеми писателями и миллионами читателей нашей страны горячо приветствует вас в день вашего шестидесятилетия.

Тридцать лет назад матросом царского флота начали вы писать. В рассказах и повестях вы показывали страшную, жуткую правду гнусной действительности царской России, жизнь и страдания трудового народа, к которому вы принадлежите плотью и кровью.

В течение своей трудной жизни, богатой событиями и наблюдениями, вы много пережили и испытали, многое видели и узнали из того, что выпадало на долю человека из народа под гнетом царского самодержавия.

Вы работали и самоучкой учились всю жизнь. Но в дворянской и буржуазной литературе ходу вам не было. Недаром и псевдоним вы избрали себе: «Затертый».

Социалистическая революция открыла перед вами широкую дорогу и проложила путь к вашему творчеству миллионам читателей.

Вы, бывший участник русско-японской войны, создали замечательную книгу «Цусима», которая яснее десятков исторических учебников показала и раскрыла гнилость, бездарность, тупость и разложение царского строя, бросившего на верную гибель в цусимской катастрофе тысячи моряков. Вы показали мужество и героизм сынов народа, которых предали и продали царские сатрапы. Ваша книга в художественных образах показала неизбежность падения самодержавия, необходимость свергающей его революции. Ваша книга заклеймила печатью позора правящие классы старой России.

«Цусима» приобрела огромную популярность у советских читателей, она стала народной книгой.

Мы, ваши товарищи по боевому литературному оружию, от имени широчайших читательских кругов выражаем наше пожелание, чтобы вы создали новую книгу—о нашем великом Красном флоте, о наших советских моряках—боевых защитниках социалистической родины, о силе и мощи советского народа, завоевавшего свободу и социализм и готового дать отпор любому врагу.

Желаем вам бодрости, сил и долгих лет для творчества и борьбы за советскую литературу, за советскую родину.

ПРАВЛЕНИЕ ССП СССР

А. С. Новикову-Прибою— виднейшему деятелю русской литературы

Друг наш, Алексей Силыч!

Прими наш братский привет, крепчайшее рукопожатие и поздравление с шестидесятилетием твоим.

После русско-японской войны начал писать ты и подписал первые свои смелые слова о Цусиме, о войне, о безвинно погибших товарищах — именем «Матрос Затертый».

Три десятка лет прошло с тех пор. Сегодня литература СССР, вся наша общественность чествуют тебя — как славного, достойного писателя-политика. Книги твои, твоя «Цусима» обошли землю. «Матрос Затертый», идя в рядах большевистских революционных бойцов, стал одним из виднейших деятелей нашей русской литературы. А те, кто когда-то затирал простых людей за смелое слово, те, кто бил и мучил народ,—те нашли свой исторический конец.

Мы рады тебя видеть, Алексей Силыч, среди нас бодрым, рады видеть тебя в армии на кораблях. Мы ждем твой новый роман «Капитан 1-го ранга». Расскажи крепко, солено, умно, как ты умеешь, жизнь матросов, ныне ставших капитанами, флагманами. Старый флот погиб у Цусимы. Железные, стойкие революционные матросы сумели боем добыть правду, освободиться и вновь выйти в океан...

Молодое племя,— сыновья,— стали рядом со стариками. Большие дела, походы и битвы впереди. Твои книги учат, показывают уроки истории, возбуждают в миллионах людей отрицание старого навечно, родят чувство готовности, веры в мощь великой страны социализма.

Спасибо тебе за твою работу, большую и ценную.

Пишем мы тебе из Ленинграда, с балтийских берегов,—рядом Нева, корабли, верфи, дымные дали, флотские казармы. Жизнь твоя как бы вновь проходит перед нами: с первого найма, с новобранства...

Прими лучшие пожелания, дорогой Алексей Силыч, добрых попутных ветров тебе!

Вл. СТАВСКИЙ
Вс. ВИШНЕВСКИЙ

Ленинград, 19 марта 1937 г. (по телеграфу).

Любимый писатель краснофлотцев

Алексея Силыча Новикова-Прибоя отлично знают широкие круги краснофлотцев и командиров морских сил РККА. Его произведения с увлечением читаются советскими моряками. Книга «Цусима», созданная автором на основе того, чему он сам был свидетелем и участником, воскрешает одну из самых мрачных страниц истории царской России.

Особенно поучительна эта книга для наших краснофлотцев и командиров.

«Цусима» на ряде ярких примеров дает развернутую картину того, каким бездарным, преступным было руководство флотом того времени, в каких неумелых руках находилась та относительно простая техника, которой были снабжены корабли, на каком низком уровне стояла тактическая подготовка в первую очередь руководящего состава столь бесславно погибшей эскадры.

Читая, мы мысленно сравниваем прошлое и настоящее и с большим удовлетворением, с гордой уверенностью можем отметить: флот великой социалистической страны—это не царский флот. Это могучая опора нашего строя, это непобедимый страж наших морских границ.

Я горячо приветствую Алексея Силыча в день его 60-летия. Нисколько не сомневаюсь в том, что он создаст еще немало прекрасных страниц о нашем сегодняшнем флоте. Мы все знаем, что Новиков-Прибой держит тесную органическую связь со всей массой советских моряков. Здесь он обогащается новыми впечатлениями. Здесь он наблюдает своих будущих героев.

Это значит, что тот, кто написал прекрасную книгу о разгроме царского флота, создаст еще более волнующую книгу о непобедимой мощи армии социалистической страны.

Флагман флота 2-го ранга
Л. ГАЛЛЕР

Решительно улучшим работу союза писателей

Из сообщения тов. В. СТАВСКОГО на IV пленуме правления союза писателей СССР

Усилим бдительность, усилим политическую работу среди писателей

Мы не можем обойти острых вопросов литературной жизни и работы ССП.

Вопросы литературно-политической обстановки являются одними из самых острых.

Вскрытые факты деятельности классового врага на литературном фронте у некоторых товарищей вызвали недоумение. Как это, дескать, может происходить сейчас, накануне 20-й годовщины Октября?

Не было такого времени, когда литературный фронт не был бы фронтом острейшей классовой борьбы.

Три процесса над бандитами, убийцами, диверсантами из шайки Троцкого и Зиновьева вызвали повышение политической активности, бдительности в нашей среде. У нас в ССП были вскрыты факты проникновения в ряды советских писателей классовых врагов, попытки врагов использовать звание советского писателя и все выгоды этого звания в своей подлой подрывной контрреволюционной деятельности.

Совершенно очевидны и стремления врагов к тому, чтобы оторвать, отвоевать от партии и народа его писателей и поэтов.

Нет никакого сомнения в том,— действительность нас в этом красноречиво убеждает,—что основная масса советских писателей — это верные сыны своей великой родины, это люди, которые на деле показали всю преданность свою Сталину, всю свою готовность отдать жизнь за благо нашей могучей, прекрасной родины. **(Аплодисменты).**

А как же может быть иначе? Посмотрите, что делается в стране. На всех участках строительства трудящиеся нашей страны под руководством партии, под руководством гениального Сталина одержали величайшие победы. Выросло в нашей стране новое, счастливое, здоровое поколение, поколение, рожденное уже после Октября.

Во время VIII Всесоюзного Чрезвычайного с'езда пробежало по всем группам делегатов с'езда одно выражение, оно действительно стало всенародным выражением: **у нас есть что защищать, есть чем защищать и есть кому защищать и защитить!**

Советские писатели в большинстве своем — со своим народом. Подвиги трудящихся вдохновляют их. Писатели следят за тем, что делается за рубежом, вникают в то, что там делается. Войну против СССР готовят озверелые, оголтелые фашисты, эти каннибалы XX века. Мир кроится на два лагеря. Наша мирная последовательная политика привлекает все большее и большее количество сторонников. Это показал всемирный конгресс защиты мира в Брюсселе, это показал юношеский конгресс защиты мира. Мы пошли туда, мы обсуждали вопросы борьбы за мир с людьми, которые не хотят войны, которые не хотят, чтобы новые 10 и больше миллионов человек легли костьми во имя интересов капиталистов.

Фашисты Германии и Японии договорились. Они готовят войну, они стремятся изыскать все новые и новые средства борьбы и стремительно их изыскивают. Фашистская Италия задавила Абиссинию. Фашисты хотят удушить республиканскую Испанию; японцы на Востоке — завоевать Китай! Это — за рубежом.

Заклятые оголтелые враги народа внутри нашей страны, потерпевшие полное крушение в атаках на руководство страной, на партию,—троцкисты — уже давно — это тайная банда убийц, диверсантов, шпионов; правые, атаковавшие партию, руководство партии, тоже давно перешли к крайним методам борьбы, к подрывной вредительской работе.

Эти враги перестроились, перекрасились, ушли в глубокое подполье. И чем больше увеличивается мощь нашей страны, чем больше увеличивается сила ее, тем острее средства, которые пускает в ход этот враг, злобный, опасный враг. Он не может, конечно, поколебать социалистическое строительство, но он может не только омрачить нашу радость, он может нанести нам удары в самое чувствительное место.

Процессы показали, что Троцкий. Зиновьев, Каменев перешли под грязную руку Гитлера и японской разведки.

Чтобы во-время распознать и разоблачить врага, нужна революционная бдительность, о которой говорил наш великий вождь, мудрый советник, товарищ Сталин. Бдительность, которая должна стать основным качеством каждого большевика, каждого революционера, трудящегося, строителя социализма.

Стальною стеной вокруг ЦК партии, вокруг вождя народов товарища Сталина стоит наш народ, сметает всех и всяческих врагов и сметет их окончательно. В этом нет никакого сомнения.

И то, что это именно так, то, что связь партии с массами повседневна, повсеместна, несокрушима, то, что эти враги, жалкие по количеству, будут разбиты и будут добиты,— все это с несомненностью подтверждается тем фактом, что в нашей стране принята, вступила в действие сталинская Конституция — кодекс завоеваний нашей социалистической революции, реальное выражение роста сознания, гражданского мужества и достоинства всех трудящихся всех народов нашей великой родины.

Но с тем более пристальным вниманием мы должны относиться к деятельности классового врага, к классово враждебным влияниям. Это же факт, товарищи,— капиталистическое окружение существует. Оно вдохновляет недобитых классовых врагов у нас. Это же факт, что вдохновляемые из-за рубежа капиталистами, фашистами, получая от них всяческую помощь, в том числе и людьми — шпионами, банда убийц может нам напакостить. А это надо предупредить.

Союз советских писателей прошел крепкую суровую школу. Это, товарищи, не легко пережить, когда узнаешь, что рядом с тобой в твоей родной организации орудовал классовый враг. Не легко, товарищи, знать, что ты просмотрел этого классового врага, что ты мог изобличить его раньше, но не изобличил, и он вследствие этого недостатка бдительности, вследствие твоей беспечности имел возможность в нашей организации, в наших рядах вести свою подрывную работу.

Мы прошли жестокую школу. Мы стали более взрослыми в результате вот этой школы, этих жестоких уроков. Ни эти уроки, ни эти факты мы не должны забывать.

Я должен напомнить важнейшее.

Воронский — это знамя троцкизма в литературе. Он имел известное влияние на группу писателей, он из-под руки создавал и держал отдельно свою группу, троцкистскую группу— «Перевал». Он так воспитывал эту группу, что она сохраняла свои кадры, помогала сосланному Воронскому, собирала деньги и т. д. Это известные факты.

Всем писателям, на которых влиял Воронский, надо крепко задуматься, сделать все выводы для себя и своей среды.

Поучительно признание Пильняка относительно того, что контрреволюционную повесть «О непогашенной луне» ему подсказали Воронский, Радек.

В Ленинграде долгое время орудовали враги народа: Горбачев, Горелов, Майзель и другие. Если там несколько молодых и талантливых писателей были сбиты с правильных позиций, в этом виноваты Горбачевы, Гореловы, заклятые враги. Но и писательская общественность виновата: почему не было должной борьбы за них!

В Москве орудовали заклятые враги — зиновьевец Мазнин и троцкист Макарьев, которые тоже сеяли свое влияние.

Нужно сказать о группе фашиствующей молодежи — о Смелякове и Васильеве. Горький в 1934 г. вместе с нами изобличил этих людей. Но нужно было принимать еще какие-то меры, чтобы ликвидировать подобные явления среди нашей молодежи. Этого не было и тяжело сознавать, что мы прохлопали.

А Тер-Ваганян и Фридлянд? При попустительстве бывшего секретаря парткома Марченко они в этом самом зале имели возможность получить трибуну для выступления. Они подвизались в журналах «Октябрь» и «Красная новь».

Пикель был оргсекретарем в драмсекции. Он имел возможность печатать свои статьи в «Новом мире».

На Украине председателем союза советских писателей был троцкист Сенченко, заклятый враг.

В Армении в союзе писателей руководство было в руках контрреволюционеров Симоняна, Алазана и других.

А Невский, подвизавшийся в качестве литературоведа и критика? А Каменев и Серебрякова, имевшие «литературные салоны»?

Все эти враги были в нашей среде не ради прекрасных глаз писателей, а ради осуществления контрреволюционных целей.

Бухарин и Радек на всесоюзном с'езде писателей в своих докладах отбрасывали пролетарское крыло литературы за рубежом, пролетарскую поэзию у нас и заявляли, что время политической поэзии прошло. Они ориентировали всю поэзию на тот путь, который рисовался Бухариным в виде пути Пастернака. Они хотели вырвать из рук партии острое оружие, художественное слово, хотели оторвать живых людей, поэтов, как борцов за партию Ленина—Сталина. Сейчас это стало совершенно очевидно. И как тяжело сознавать, что раньше это не было понятно так, как сейчас.

Враждебное влияние в критике, засоренность рядов наших критиков чуждыми людьми тоже несомненный факт.

Была у нас попытка забить, смять и уничтожить Фадеева со стороны критика Мирского. Он получил отпор, но этот факт имел место. А наряду с этим некоторыми критиками превозносились Серебрякова и Павел Васильев.

Деятельность классово-враждебных элементов, проникновение классово-враждебного влияния в нашу писательскую среду не могли не отозваться на состоянии умов некоторых писателей. Все это сказалось крайне своеобразно, точно, иногда почти неуловимо. Пильняк говорит, что он лишь недавно разобрался в том, как ему были подсказаны тема и сюжет его контрреволюционного произведения. По молодым это легче проследить, чем по взрослым. Парень в 20 лет — какой он враг? Это материал. Отливай этот материал в благородную форму социалистического человека! Но если рядом с ним не мы, а враг, то как формируется этот молодой человек, идущий в литературу? На Урале, на Магнитогорске, а потом в Соликамске работал молодой парнишка Федоров-Каркас. Ему и сейчас только 21 год. А тогда, когда он попал в руки чуждым элементам, ему было 19 лет. Какой это враг? Но он стал писать троцкистские повести, обнаружил политическое разложение.

Это — жестокий урок, из которого мы должны сделать все выводы на практике, на деле.

Если учесть пережитки капитализма в сознании людей, все отрицательные явления наследия прошлого, свойственные писательской среде, пережитки, против которых страстно боролся и призывал нас бороться А. М. Горький, тем более становится ясной необходимость политической бдительности, борьбы против классово-враждебных элементов и классово-враждебных влияний и пережитков, которые мешают нам оздоровить нашу писательскую среду.

К работникам издательств и журналов оказанное должно относиться с особой силой. Журнал, издательство — это рабочий центр, там решается судьба произведения писателя. Здесь безусловно необходимы и партийная бдительность, и изобличение классово-враждебных элементов, и политическая и творческая помощь писателям.

А в наших журналах — писатель часто не знает — кто рядом с ним будет напечатан. Может ли он быть спокойным, что в этом номере, в котором он предполагает напечатать свое произведение, не будет напечатано враждебное произведение? Могу ли я быть уверенным, что редакция во-время придет мне на помощь, укажет на мои ошибки, поможет мне их понять и исправить?

Нет еще уверенности в этом деле.

А будет ли защищать меня журнал от несправедливых нападок.

Вопросы эти вполне законны, уместны.

Обратимся к фактам из деятельности редакции журнала «Новый мир».

Как могло случиться, что в числе группы ближайших сотрудников журнала подвизался враг П. Васильев. Нашей общественности стоило немалого труда разоблачить этого заклятого врага советской власти, доказать советскому суду необходимость привлечения его к ответственности за то хулиганство, от которого «до фашизма расстояние короче воробьиного носа» (А. М. Горький). Он был призван к ответу, суд его осудил.

Через довольно продолжительный срок Васильев был освобожден. И вот нашлись у него сразу покровители и доброжелатели (И. Гронский), начали печатать и принимать к печатанию его контрреволюционные издевательские произведения в «Новом мире», начали оказывать ему большую материальную поддержку. Кому? Заклятому врагу, ныне изобличенному до конца. И все это вопреки предупреждениям писательской общественности.

В «Красной нови» был напечатан «Дикий камень» — роман Давыдова, политически неправильный и вредный.

От т. Ермилова мы не раз слышали признанья своих ошибок, заверения, что их не будет больше, а потом опять ошибки! На этом нашем пленуме по этим вопросам необходимо крепко поговорить. Разве можно при таком положении говорить о бдительности, о борьбе, о решительном оздоровлении литературы? Ясен общий вывод: надо всемерно усилить бдительность, усилить политическую работу среди писателей; надо решительно улучшить работу журналов и издательств, да и самого союза писателей.

За новые книги! За высокое их качество!

Справедливо упрекают отряд советских литераторов в отставании.

Со всех сторон мы, литераторы, слышим справедливые требования: давайте скорее книги, побольше хороших книг. А мы, литераторы, все еще отстаем. Но чтобы преодолеть это отставание — мало одних признаний.

Литература отстает. Да, отстает, но вслед за этим перед нами стоит практический вопрос: кто же из нас, литераторов, отстает?

Может быть, кто-нибудь из нас, советских литераторов, и не отстает, и нечего валить всех в кучу?

Можно ли сказать, что Ю. Н. Тынянов, давший отличную работу о Пушкине, отстает? Кому придет в голову такая нелепая мысль? А Вишневский, Шолохов, Панферов, Павленко, Фадеев и некоторые другие товарищи — разве они отстают? Поэты-орденоносцы — Гасем Лахути, Сулейман Стальский, Джамбул и другие — разве они остают? Разве за отставание давали им ордена?

Союз писателей организовал переводы стихотворений поэтов-орденоносцев. Октябрьский номер «Огонька» был посвящен этим поэтам и их стихотворениям.

Посмотрите, и вы убедитесь, какая могучая поэзия, уходящая корнями в массы советских народов, представлена поэтами-орденоносцами.

Мы, Союз советских писателей, и Гослитиздат в долгу у народа: ведь до сих пор нет еще сборника переводов всех лучших произведений поэтов-орденоносцев. Этот долг надо скорее покрыть!

Я держу в руках сборник песен Красной армии. Ведь его без глубокого волнения читать нельзя. В этом сборнике представлена группа поэтов. Это люди, которые могут затеряться за общей формулой «литература отстает». Вот почему с радостью хочется сказать про них, что они не отстают. Здесь и т. Рыльский, и т. Лебедев-Кумач, и т. Сурков, и т. Гусев, и т. Асеев, и т. Тихонов, и т. Френкель, и т. Безыменский, и т. Швецов и многие другие, давшие свои песни, которые поет не только Красная армия, а поет весь народ, лучший ценитель и критик —советский народ! **(Аплодисменты).**

Радоваться надо этому явлению, гордиться им надо, не забывая о том, что должны быть написаны еще лучшие песни и что за это надо крепко бороться.

Эту проблему — борьбы за качество — на нашем пленуме, посвященном великому русскому поэту А. С. Пушкину — мы должны ощущать особенно остро. Так, как учил нас этому Алексей Максимович Горький. Это значит, что все то хорошее, что появляется в литературе и в критике, мы должны отмечать, обсуждать, радоваться хорошей книге — ибо это окрыляет и автора и весь наш коллектив.

Это значит, что надо смелее развернуть нам самокритику, — ее у нас еще мало, она нам нужна, как воздух!

В свое время я уже критиковал стихи Пастернака, опубликованные в десятой книжке «Нового мира» за прошлый год. В этих стихах есть политически ошибочные утверждения, вроде того, что наш народ

...как свое изданье
Кладет под долото
Твои мечты и цели!

В этих стихах Пастернака мы находим такие «перлы»:

Откос пути размяк
И вспухшая Арагва
Неслась, сорвав башмак
С болтающейся дратвой!

Пойди и догадайся, что поэт в этих строках говорит о размытой плотине, как это выяснилось с ним в беседе!

С огорчением приходится признать, что поэту не пошли впрок ни минский поэтический пленум, ни жаркая дискуссия о формализме, ни пушкинские дни! Эти великолепные пушкинские дни, отмеченные всеми народами нашей великой родины.

Это же факт, товарищи, что живой великий Пушкин одержал сейчас еще победу, победу над формализмом в русской литературе. Ибо доклад т. Ю. Н. Тынянова о прозе Пушкина — это окончательный разгром формализма. А роман Ю. Тынянова «Пушкин» — радостное событие в нашей литературе.

Но ведь такие явления не единичны. Главы из IV книги «Тихого Дона» М. Шолохова, 3-я книга «Последнего из удэге» А. Фадеева, «Мы из Кронштадта» Вс. Вишневского, новый роман П. Павленко «На Востоке» — это не только новые произведения на темы, волнующие наших многочисленных читателей. Это — свидетельство упорной борьбы наших товарищей за высокое качество. Есть еще немало новых интересных и полезных книг, о них следует говорить. Роман Павленко «На Востоке» прокладывает пути для наших литераторов к темам новым, очень острым, как будущая война. Павленко показывает и доказывает, что может сделать писатель — непосредственный участник строительства социализма, тесно связанный с нашей действительностью и взыскательно относящийся к своему литературному делу.

Для нас, литераторов, книга Павленко, несомненно, поучительна. Можно и нужно поспорить о ней, как о ее достоинствах, так и о тех — на мой взгляд немногих — недостатках (как, например, некоторая рыхлость композиции).

Но я считаю необходимым еще и еще раз подчеркнуть, что, ставя особенно остро задачу борьбы за новые книги, за высокое качество этих новых книг, всегда имея перед собой такие вершины, как Пушкин и Горький, как самый крупный и талантливый поэт современности Маяковский, мы должны пристально следить за работой всех нас, отмечать достижения, новые хорошие работы. Мы должны окрылять тем самым наших товарищей. И еще скажу, что если произведение хорошее — надо его не только переиздать,— надо автора этого хорошего произведения окрылить! **(Аплодисменты).**

Смелее говорить о хороших книгах! Привести в порядок все наше «хозяйство»!

Осуществляя борьбу за качество произведений, мы должны решительно покончить с бездушным отношением к литераторам и их работе.

Ни на одну минуту нельзя забывать того постыдного факта из работы наших издательств, как утерю рукописи Ник. Островского «Как закалялась сталь». Ведь автору пришлось вторично писать свою книгу!

Случаи невнимательного отношения к писателям, особенно к тем, которые живут и работают на местах — они не единичны.

В Ростове-на-Дону вторым изданием вышла книга «Казаки» Петрова-Бирюка — донского казака, бывшего батрака, участника гражданской войны. Книга заслужила хороший отзыв такого знатока в казачьем вопросе, как маршал Советского Союза т. С. М. Буденный. Он даже в печати высказался по этому поводу (непонятно — почему «Лит. газета» не напечатала это письмо).

Так вот, в Гослитиздате забраковали книгу Петрова-Бирюка.

В Новосибирске работает прозаик М. Кравков. Его рассказы о золотоискателях, о людях Кузбасса, напечатанные в журнале «Сибирские огни», обращают на себя внимание свежестью, крепким сюжетом, я бы сказал еще — напористостью. Герои Кравкова — сильные люди, сознательные бойцы за социализм. Язык Кравкова — свежий, хотя и несколько засорен местными словечками. Сейчас в издательстве «Советский писатель» выходит книга рассказов М. Кравкова. Но ведь об этом пришлось говорить больше года. А вот зав. Гослитиздатом тов. Накоряков говорит: — да, хорошие рассказы надо издать, но, знаете,— никак не пробьюсь сквозь стену своих редакторов. **(Смех, аплодисменты).**

Тов. Чупрунов (из Ташкента) написал книгу «Джунаид Хан». Тов. Павленко, который Туркмению знает лучше, чем я, дает высокую оценку этой книге. А Гослитиздату книга эта просто неизвестна.

Есть в нашей жизни и другое. Мы часто оказываемся в плену старых представлений. Возьмите случай с Ив. Ал. Новиковым. Если верить «Литературной энциклопедии», то И. А. Новиков — эпигон дворянской литературы и... только! Ну, а раз так, то — готовь разнос этого эпигона, осмелившегося написать книгу «Пушкин в Михайловском». И — серьезно! — уже готовилась разносная статья под лозунгом «Долой этих Авенариусов».

Но читатель принял книгу И. А. Новикова как полезную, нужную. Президиум ССП обсуждал эту книгу, и тоже считает ее полезной, нужной.

Вообще, пришлось крепко покритиковать «Литературную энциклопедию». Потом была яркая исчерпывающая статья о «Литературной энциклопедии» в «Правде».

Нам легче будет работать, легче жить, если мы все то доброе, несомненное, очевидное сами в первую очередь узнаем, оценим по-настоящему и скажем, что вот такая-то группа поэтов, прозаиков работает хорошо. Но это обязывает нас и к дальнейшему — развернуть разговор с теми товарищами, которые работают плохо, которые не работают.

Разговор этот должен быть с учетом всех индивидуальных особенностей каждого товарища. В одну кучу все валить было бы крайне неразумно, да и толку из этого никакого бы не было.

Целой группой товарищей мы както летом решили: нам надо иметь дислокацию тем и людей. Что это значит? Попросту говоря, надо знать людей и над чем они работают.

Дело это, конечно, чрезвычайно сложное, его в две недели, в два месяца не сделаешь. Но мы уже приступили к данной работе с группой товарищей. Мы поставили задачу: знать, кто и над чем работает, какие испытывает затруднения. Это даст нам возможность во-время притти на помощь товарищу. А ведь у нас часто бывает так: товарищ трудится год, два и три, и его труд завершается неудачей. Но ведь это же—трагедия. А почему мы во-время не пришли на помощь товарищу? Вот в чем здесь дело!

Но как осуществить это намерение? В виде первого опыта мы, группа товарищей, проделали работу, которую давно предлагал сделать А. М. Горький. Мы пытались в самой черновой форме составить обзоры произведений по темам. Заранее оговорюсь, что это — первая, далеко не совершенная попытка в этой области.

Какие выводы подсказывает нам эта работа?[1] Надо ее довести до конца, в масштабе всего союза. И тогда мы не только будем знать, кто что сделал, кто над чем работает, но и во-время сможем притти на помощь, как пришли на помощь И. А. Новикову.

Книга Павленко написана с помощью целой группы товарищей, которые не только давали ему материал, но и высказывались по поводу самой книги.

Это — работники РККА, партработники, писатели.

Произведение Павленко глубоко и толково критиковалось еще до того времени, когда оно появилось в печати.

За такую творческую «групповщину» я голосую обеими руками!

Как это сделать? Не в порядке циркуляра — стройся шагом марш, на собрание, садись и читай! Здесь нужно подходить индивидуально и прежде всего проявить интерес. Этого интереса у нас нехватает, и это самый позорный пережиток в нашей писательской среде — недостаток внимания и ответственности за работу стоящего рядом с тобой члена твоей родной организации.

Мы во-время пришли на помощь как организация Л. Н. Сейфуллиной, организовав ей условия ее жизни, и результатом этого появилась новая пьеса, как говорит об этом сама Л. Н. Сейфуллина.

Я думаю, что мы помогли и Пильняку тем, что заслушали в союзе его творческий отчет, дали резкий отпор целому ряду абсолютно неприемлемых для союза высказываний Пильняка, обсудили его писательскую работу, его произведения. Нельзя сказать, что это проходило в спокойной обстановке и нельзя сказать, что на этом заседании Пильняк все понял. Но через 2 месяца он пришел в правление с письмом, в котором признавал свои ошибки, говорил, что ему помогли и что он понимает, в чем дело.

Мы помогли Овалову писать его последнюю книгу. Он уже сдал ее в издательство, но после того, как мы побеседовали с ним, обсудили произведение, оказалось, что нужно над ним еще работать и работать. Он сам говорит, что это помощь, в которой он нуждался.

Мы читали на партгруппе поэму Асеева, в присутствии всех желающих товарищей, и Асеев заявил, что это такая форма помощи, которая нужна.

Мы помогли т. Твардовскому и Кучару, мы устроили их на учебу, вызвав одного из Смоленска и другого из Минска.

Мы помогли Андрею Платонову тем, что обсудили его рассказ на правлении союза, при чем автора на чтении не было. Без него читали и обсуждали. Наши литературно-художественные журналы отказались печатать этот рассказ и он был напечатан в журнале «Литературный критик» к чести этого журнала и к стыду литературно-художественных журналов.

Я привожу эти факты для того, чтобы доказать, что работать можно, нужно только знать писателя со всей суммой вопросов творческих и бытовых.

[1] На пленуме я огласил предварительно результат обзоров по темам. Так как работа эта продолжается,— целесообразнее опубликовать уже полные сведения, когда они будут собраны.

Организовать критику! Помочь критикам!

В борьбе за высокое качество советской литературы огромное значение имеет литературная критика.

Нашу литературную критику надо лучше организовать, помочь нашим товарищам критикам.

Это дело союза, всей писательской общественности. А помогать критикам можно, — и критикой их работы, и постановкой перед ними новых вопросов.

Почему, например, наши критики прошли до сих пор мимо работ Кравкова, Чупрунова и многих других?

Или молчание критиков — может быть тоже форма критики? А может быть, дело в том, что критики настолько плохо связаны с нашими писателями, что попросту не знают ни их, ни их работы?

И здесь я ставлю такой вопрос перед пленумом: может ли правление союза давать нашим критикам конкретные поручения, может ли правление союза организовать целевые группы критиков для того, чтобы они для союза, для правления союза в первую очередь дали обзоры творческой деятельности таких-то и таких-то писателей по темам, по территории и т. д. Я думаю, что это нужно сделать, и это будет нашей помощью критикам.

Надо также ставить вопрос и о большей ответственности нашей критики. Как можно мириться с таким положением, что некоторым критикам все сходит с рук: писатель написал неудачное произведение — он за это отвечает. Критик написал неудачное произведение, или даже более резко можно выразиться, — и это у нас как-то не обсуждается.

Обсуждать надо в союзе писателей и работу критиков. Надо добиваться от критиков в их статьях веской аргументации и не мириться с оценкой походя — в 3—4 строках.

Статья Войтинской в «Большевике» о журнале «Красная новь» — правильная статья, не там есть такое место: Ермилов призывал к бдительности, а в 9-й книжке напечатано произведение Жан Кассу. А что Жан Кассу? — Неизвестно. Никаких доказательств нет.

Такая критика ничему не учит. За критику глубокую мы должны повоевать. Этого мы не делали.

А это значит: надо не только надеяться на профессионалов-критиков. Надо, как нам говорил тов. Андреев А. А., самим писателям заниматься критикой.

Пока этого мы не делаем. Статью в «Правде» о переизданиях наша писательская общественность обошла молчанием. Заседание президиума, на котором нужно было обсуждать поэму Сельвинского, не состоялось. Ошибки Бедного и Дагыдова мы не растолковали. А сколько было кривотолков!

Мы ставим перед собой задачу выдвижения критических кадров, помощи тем критикам, которые работают. У нас есть критики хорошие, критики плохие, критики, которые помогают нам, которые ошибаются. Им нужно помочь.

Нельзя же огульно всю критику валить в кучу, хаять ее, ругать и т. д. Есть и хорошие критические работы, и в ближайшее время нам нужно дополнить работу этих критических кадров и нашей общественной критической работой. Особое внимание надо обратить на то, чтобы помочь критикам в их связи с действительностью, в знании этой живой действительности.

Решительно улучшить работу нашего союза

Основные направления нашей работы, нашей деятельности сформулированы четко, выразительно и ясно в нашем уставе, принятом на с'езде.

Вот что мы сами записали в уставе.

«Целью и задачами Союза советских писателей являются:

1) Активное участие советских писателей своим художественным творчеством в социалистическом строительстве, защита интересов рабочего класса и укрепление Советского Союза путем правдивого изображения истории классовой борьбы пролетариата, классовой борьбы и строительства социализма в нашей стране, путем воспитания широких трудящихся масс в социалистическом духе.

2) Воспитание новых писателей из среды рабочих, колхозников и красноармейцев путем пропаганды художественного творчества в широких народных массах, передачи молодым писателям творческого опыта квалифицированных писателей и критикой, совместной работы с профсоюзами, комсомольскими организациями и политотделами РККА, работы с рабочими, колхозными и красноармейскими литературными кружками.

3) Творческое соревнование писателей, взаимная помощь их друг другу в целях содействия более успешному росту художественных сил и все более глубокому и всестороннему развитию, на основе социалистического реализма, форм, стилей и жанров художественного творчества в зависимости от индивидуальных дарований и творческих интересов писателей.

4) Всемерное развитие братских национальных литератур путем оказания взаимной помощи, обмена творческим опытом писателей и критиков различных братских республик, организация переводов художественных произведений с языка одного народа на языки других народов.

5) Интернациональное воспитание писателей путем изучения международного значения победы социализма в СССР, изучения международного революционного движения и современной мировой культуры, участия советских писателей в международном революционном движении через отражение в художественном творчестве героической борьбы трудящихся капиталистических и колониальных стран.

6) Дальнейшая теоретическая разработка проблем социалистического реализма путем создания специальной научной литературы, постановки научных докладов, диспутов, конкретного изучения творчества писателей и критического разбора их произведений.

7) Союз советских писателей ставит генеральной целью создание произведений высокого художественного значения, насыщенных героической борьбой международного пролетариата, пафосом победы социализма, отражающих великую мудрость и героизм коммунистической партии. Союз советских писателей ставит целью создание художественных произведений, достойных великой эпохи социализма».

— Вот наши цели и задачи. Кто мешает нам осуществить их? Классово-враждебные влияния мы разоблачаем, мы освобождаемся от них и освободимся окончательно — в этом нет никакого сомнения.

Разве у нас нет для этого условий? Все условия есть.

Вы посмотрите на ту любовь к советским писателям, на то доверие, которое оказывают трудящиеся нашей страны писателям. Советскому писателю всюду рады, ему открыты все материалы по истории фабрик и заводов, по истории гражданской войны; открыт доступ на любое предприятие, на любую фабрику, в любой колхоз. К любимым героям, выдающимся деятелям нашей страны может притти писатель, и он всегда встретит сочувствие к его работе.

Права обширные. Но ведь есть и обязанности у писателей, обязанности не только писать художественные произведения, но и обязанности перед своей писательской средой.

Вот мы приняли устав, а за осуществление этого устава боремся плохо. Ведь вот сплошь и рядом слышишь нарекания на союз — и канцелярия, и департамент, и не нужен он и т. д. Много неприятного приходится слышать. Это верно — недостатков много.

Но необходимо прямо сказать: писатели наши обнаруживают пока еще мало желания иметь свой творческий коллектив, в котором можно обсудить вопрос, знать, что, когда ты придешь, будет обсуждаться такой-то вопрос, и ты должен будешь принять участие в обсуждении этого самого вопроса.

И здесь, на пленуме, коллективу необходимо потолковать, как лучше это дело осуществить, чтобы у нас даже не пахло учреждением, чтобы это действительно была творческая организация.

В первую очередь — надо на наших собраниях и заседаниях обсуждать острые вопросы литературы, творчества, политические вопросы обсуждать! Надо упорядочить работу союза.

Видимо, надо будет принять такой порядок, чтобы секретариат и президиум правления имели свой твердый план работы, чтобы секретари и члены правления собирались для обсуждения вопросов в такие-то сроки, чтобы наши секции тоже имели определенные дни для своей работы, чтобы писатель знал, что он может притти с полной уверенностью, что он не найдет там, около двери очередного секретаря в союзе писателей — 30—40 человек писателей, интересующихся вопросом о квартирах и литфондовскими делами. А что он придет для обсуждения книжки, для обсуждения произведения, которое вызывает большой интерес, и что люди соберутся действительно обсуждать, что не будет того, как было с обсуждением поэмы Сельвинского. Ведь человек огромный труд вложил в это дело, а народ не пришел. Какая уж тут демократия!

Надо людям еще много растолковать, раз'яснить и критиковать их. Мы уставное положение не выполняем, а мы должны его выполнять, мы должны повышать чувство ответственности за работу союза.

Мы в неоплатном долгу перед национальными отрядами советской литературы. Мы толком не знаем, что там делается. Мы не знаем, какую работу провели переводчики. Мы только на этом пленуме впервые получили сводку работы переводчиков над Пушкиным, над другими классиками русской литературы, над произведениями советской литературы, над нашими произведениями.

А каково качество этих переводов? Ведь создается советская литература союзная, как говорил Горький, призывая нас обратить особенно серьезное внимание на эту сторону дела. Мы в неоплатном долгу также и перед краями и областями. На местах не все хорошо.

Разве мы не ответственны вместе с ростовскими на Дону товарищами за такой факт, который, с одной стороны, достоин «Крокодила», а с другой стороны — является сигналом для нас? Весной товарищи задумали выпустить альманах, посвященный Горькому, собрали материал, сдали в набор. Этот горьковский альманах не вышел. Время шло, и они решили выпустить его не как горьковский, а как пушкинский альманах. **(Смех).**

Мы боремся за то, чтобы помочь местам не только путем прикрепления товарищей, которые следили бы систематически за тем, что на местах делается, но и путем переброски товарищей из Москвы на места.

Я вношу предложение — поручить правлению и секретариату укрепить места за счет, в первую очередь, москвичей и ленинградцев. **(Аплодисменты).**

Секциям нашим, работа которых приобретает огромное значение, надо устраивать такие же смотры своим товарищам, работающим на местах.

Прием в кандидаты и члены союза, по представлению секций поэтов, очеркистов, драматургов, надо проводить как такое событие, которое было бы в жизни каждого, вступающего в наши ряды, радостным событием. И для нас это радостное событие!

Помню наш опыт в этом отношении, когда мы принимали 2-х товарищей с канала Волга—Москва: Могилянскую и Жигульского — на президиуме. Все присутствовавшие тогда могут подтвердить, что это были для всех нас счастливые минуты!

Редакция «Люди двух пятилеток» нуждается в нашей повседневной постоянной помощи. И правление союза не должно остановиться даже перед таким мероприятием, как передача хотя бы на полгода, до годовщины Октября, группы товарищей, работающих в аппарате союза, в аппарат редакции для того, чтобы помочь справиться с этим делом. Ближайшим мероприятием секретариата будет являться созыв совещаний и собраний авторов.

За работу редакции «Люди двух пятилеток», начатую Горьким, поддержанную и одобренную ЦК ВКП(б) мы отвечаем в полной мере и не можем допустить, чтобы это было сделано неудовлетворительно. И здесь союзу придется крепко поработать.

Нам нужно работать по-новому. Нам нужно сделать союз общественной организацией, каждый член которой имеет свои права и обязанности. Надо, наконец, понять, что всю свою работу Союз советских писателей должен строить, исходя из новой Конституции.

Нам нужно драться за осуществление, за проведение, за развитие традиций великой русской реалистической литературы, за традиции Пушкина, за традиции Горького. Мы — наследники опыта Маяковского. Это ставит перед нами особенно остро задачу бороться за новый тип писателя. Надо исполниться энтузиазма, гореть на работе, быть на уровне передовых людей нашего времени, знать нашу страну так, как в свое время знал Россию Пушкин, как знал нашу страну Горький.

Внимание, поддержка, мудрые советы — есть у нас.

Тов. Сталин лучше, чем многие из нас, знает литературу и помогает советами. Было его указание относительно того, что не надо принуждать писать о колхозах, о Магнитогорске. Такие вещи по принуждению не пишутся.

Товарищ Сталин помогает нам, когда звонит, советует написать рецензию о книжке Вирта «Одиночество». По предложению товарища Сталина выдвигаются и награждаются поэты, теперешние наши орденоносцы. Мы гордимся ими, радуемся их успехам!

В чем же дело? Дело в нас самих. Наша страна, люди ее дают нам образцы самоотверженного, героического отношения к своей работе, исполняются радостью творчества, исполняются радостью жизнедеятельности, новой, яркой, многосторонней.

Эти люди ждут от нас, что мы будем работать так, как этого требуют их великие дела. Эти люди любят нас, доверяют нам, и они желают нам новых лучших успехов в нашей творческой работе. Мы должны сами это понять, взяться за это и оправдать те надежды, которые на нас возлагают и читатели наши, и читатели за рубежом. Мы отвечаем и за мировую литературу — это надо помнить.

Мы эти надежды и это доверие в своей работе на нашем участке фронта оправдаем, дадим произведения и воспитаем новых художников. Этим самым осуществим те задачи, которые перед нами стоят! **(Аплодисменты).**

А. С. Новикову-Прибою 60 лет

В лаборатории писателя

Английский вице-адмирал Усборн, положительно расценивая «Цусиму» Новикова-Прибоя, не может, однако, примириться с мыслью, что бывший матрос осмеливается так беспощадно разоблачать бездарную царскую офицерню. И поэтому почтенный вице-адмирал язвительно замечает в своей статье в «Сэндей таймс», что Новиков-Прибой, очевидно, питался «палубными сплетнями».

«Догадливый» адмирал «не заметил» в книге того, что легко увидеть и неопытному читателю: необычайно ответственное отношение автора «Цусимы» к каждому своему слову, колоссальное количество проработанного материала, детальное знание биографии каждого персонажа. Художник не полагается только на свою память и личные наблюдения.

Весьма характерно, что А. Новиков-Прибой и после выхода «Цусимы», принесшей ему мировую славу, не считает свою работу законченной. Он продолжает дополнять книгу, отшлифовывать ее, вносить многочисленные поправки, уточнять некоторые моменты с беспримерной терпеливостью.

Свидетельством этого труда являются экземпляры «Цусимы», разложенные на письменном столе Алексея Силыча. Это экземпляры разных изданий. И каждое новое издание отнюдь не является копией предыдущего. Я перелистываю страницы, сравниваю отдельные сцены, описания, биографические показания, — и труд писателя вызывает одновременно удивление и восхищение.

— Мне очень помогают сами читатели, — говорит Новиков-Прибой. — Трудно представить себе, какой заботой умеют они окружать писателя, как трогательны и вместе с тем практичны бывают их указания. Они все время не забывают обо мне, и я с благодарностью использую все их советы. Не без их помощи подготовил я и новое издание «Цусимы».

Поля об'емистого тома испещрены поправками. Достаточно беглого ознакомления с ними, чтобы увидеть, какую кропотливую и упорную работу ведет писатель. В одном случае он уточняет, что дело было «у Ладуана, **около** острова Борнео», а не **на** острове Борнео, как указано во всех предыдущих изданиях; в другом месте устанавливает, что задержки вследствие повреждения котлов, механизмов и рулей произошли не 73, а 81 раз, что лейтенант Бурдашев не орловский помещик, а курский, в третьем случае между словами «испортил турбину» вставляет слово «водоналивную» и т. д.

*

Но кроме этих мелочей, к которым Новиков-Прибой относится так строго, есть и дополнения другого, уже капитального порядка. Они составляют целые главы, перепечатанные на пишущей машинке и вклеенные в книгу. Здесь события, мельком упомянутые в прежних изданиях, разрастаются в сложные драматические коллизии, образы, данные раньше беглыми штрихами, становятся конкретными и волнующими. Так, по-иному будет звучать в следующем издании «Цусимы» глава о трагической гибели «Изумруда».

— Видите эти увесистые папки? Это все материалы, присланные в последнее время цусимцами: дневники, воспоминания, письма и т. п. Огромная руда, из которой нужно было выплавить вот эту главу.

Среди новых материалов есть потрясающие документы, показывающие, как события русско-японской войны революционизировали не только моряков, но и честных представителей офицерской среды. Вот, например, выдержка из дневника прапорщика механической части «Изумруда» Шандренко:

«22 мая. Если бог даст, возвратимся мы все благополучно на родину, то вранья будет по горло. А истина опять будет неизвестна для России. Я хочу сказать, что тунеядцы и бездельники опять возьмут безнаказанно все выдающиеся места и снова поведут Россию к разорению и гибели. Печально и жутко!»

В новом свете предстанет перед читателями фигура вестового адмирала Рожественского. В прежних изданиях А. Новиков-Прибой дал ее эскизно, так как не имел достаточно данных для более обстоятельной характеристики. Но вестовой Пучков, столько знающий о семейной, бытовой обстановке грозного адмирала, оказывается, жив. Он работает проводником на железной дороге. И все те же внимательные и заботливые читатели навели Новикова-Прибоя на след. Старые приятели встретились.

В памяти писателя воскресли интересные эпизоды, связанные с Рожественским, в том числе и такие, героем которых являлся сам вестовой Пучков. И вот написана новая большая глава об адмиральском вестовом — с обычными для Новикова-Прибоя юмором и деловитостью. Ее нельзя читать без смеха и гнева, она блестяще дополняет весь фон, с такой силой воссозданный в «Цусиме».

★

Будет очень досадно, если суждения критики и впредь будут базироваться только на старых изданиях «Цусимы». Многие существенные дополнения и изменения, внесенные писателем в книгу за последние годы, остались незамеченными и неучтенными. А ведь в общей сложности с тем, что Новиков-Прибой подготовил для нового издания, эти дополнения составляют четыре печатных листа!

Я. РОЩИН.

А. С. Новиков-Прибой в конце девяностых годов.

Мой путь

Родился я 12 марта (по ст. ст.) 1877 г. в селе Матвеевском, Спасского уезда, Тамбовской губ. Отец мой был из кантонистов николаевского времени. Прослужил на военной службе 25 лет. За отказ от производства в офицерский чин получил небольшую пенсию. В родное село он вернулся с женою, — привез с собою плохо говорившую по-русски польку, чем удивил своих односельчан. Отец был широк костью, физически силен, весь от земли. Жил долго и крепко, не поддаваясь разрушениям времени. Смерть встретила его, когда он перевалил на девятый десяток. Мать, будучи значительно моложе его, не отличалась таким здоровьем, а непривычный крестьянский труд состарил ее раньше времени. Она была мечтательна, увлекалась сказочным миром, в мыслях устремлялась к небу.

Село наше глухое, отсталое, окруженное стеной дикого леса. Школы не было. Грамоте начал учить меня отец. Старинную азбуку я выучил шутя, но когда дошел до складов, дело затормозилось. Мне настолько опротивела грамота, что потом никакими мерами не могли заставить меня учиться. Отдали к дьячку. Это был крупный человек, в лохматом седом волосе, всегда угрюмый. Внешностью своей он напоминал библейского Савоофа, и это очень пугало меня. Но и с ним я нисколько не подвинулся вперед в грамоте.

— А ну-ка ты, непокорная тварь, выходи!

Я знал, что это ко мне относится, и ниже нагибался над партой. Тогда священник подходил ко мне, брал меня за подбородок и закидывал мне голову назад. Под его пытливым взглядом, остро упирающимся в мои глаза, я окончательно обалдевал. В мозгу не оставалось ни единой мысли, точно голова моя превращалась в пустой горшок.

— Врешь! Я вышибу из тебя дьявола!

Каждый день я возвращался домой с красными ушами. Меня удивляло, что небольшие пухлые руки священника могут причинить такую боль.

После этого я попал в школу соседнего села. Напрасно учительница злилась и старалась наказаниями заставить меня учиться. Мое сопротивление росло, увеличивалось. Я стал мстить ей разными озорными выходками. Наконец сбежал домой. Мать плакала, а отец, сокрушенно качая головою, говорил:

— Эх, Алеша! Несуразный ты уродился у нас... Затрет тебя жизнь...

В продолжение трех лет мучился я над складами. Каждое печатное слово вызывало во мне отвращение. Я проклинал тех, кто выдумал азбуку.

Однако родители мои никак не могли примириться с тем, что я останусь неграмотным. Попробовали еще раз отдать меня в другое село, находившееся от нас километров за десять. Учительница, молодая и скромная девица, с белокурыми локонами, при первой же встрече хорошо улыбнулась мне, по-матерински обняла, приласкала. Я сразу почувствовал, что в груди моей растаял ком накопившейся злобы, и потянулся к ней доверчиво. В две зимы кончил церковно-приходскую школу первым учеником. И тогда-то во мне проснулась сильная жажда к знанию, но дальше учиться не пришлось.

Запрягся в земледельческую работу. И только вместе со старшим братом, постоянным спорщиком с духовенством, я читал тогда все, что попадалось под руку: приложения к журналам, по астрономии, о Джеке-Потрошителе, уголовный кодекс, но больше всего — религиозные книги.

Мать моя, очень религиозная женщина, определенно готовила меня в монахи. Может быть, я и действительно попал бы в монастырь, если бы случайно не встретился с одним матросом (о котором у меня написан особый рассказ — «Судьба»). Матрос много мне порассказал о флоте. Под влиянием этой встречи с моряком и моя жизнь сложилась совершенно поиному. В мыслях я после не расставался с морем, с кораблями, воображая себя моряком. Рассказы матроса окончательно оторвали меня от земли: ее не было больше в моих мечтах, неудержимо увлекавших меня от сухопутной действительности в ведущий мир грез. Тогда весь мир представлялся мне одним сплошным безбрежным и бескрайним океаном, и жизнь там только на кораблях — волны и корабли, и больше нет ничего на свете. Деревенская глушь порою отрезвляла меня от мечтаний о морях и кораблях, а порой и усиливала их. Так сложился из меня здоровый от сельской работы деревенский парень, не видавший еще большой воды, но упорно мечтавший о неведомых морях.

На двадцать втором году жизни меня призвали на военную службу. Я сразу назвался охотником во флот. Сверстники мои — новобранцы — горевали от разлуки с родным селом и если веселились, то скорее от отчаянного горя, чем от радости, а я горел от счастья.

Служил я в Балтийском флоте. Здесь я усиленно занялся самообразованием.

Одно время я посещал в Кронштадте воскресную школу. До сих пор я с благодарностью вспоминаю о ее преподавателях. Через них я впервые познакомился с нелегальной литературой, здесь началось мое политическое и социальное пробуждение. Из этой школы, как от прожектора, был направлен в мрак царского флота яркий луч знания. Но мое обучение в этой школе продолжалось не долго. Вскоре школу закрыли, некоторых преподавателей арестовали. Начались аресты и во флоте. Мне хотелось подготовиться к экзамену на аттестат зрелости и поступить в университет, но попал вместе с другими матросами в дом предварительного заключения.

На литературный путь меня натолкнуло знакомство с биографиями таких писателей-самоучек, как М. Горький, А. Кольцов, Суриков, Решетников и др. Я понял, что можно сделаться писателем, не обучаясь в высшем учебном заведении. Но дело это оказалось чрезвычайно трудным. Теперь имеются высшие литературные школы, доступные для всех. При каждом издательстве есть для начинающих писателей литконсультации. Тогда ничего подобного не было. Мне не к кому было обратиться за советом. Я был предоставлен самому себе. Приходилось как бы заочные курсы брать, читая по истории литературы и учась по образцам лучших художественных произведений как русских, так и зарубежных классиков. Нужно было исполнять те или иные служебные обязанности и в то же время работать над собою, работать упорно, работать за счет отдыха и развлечений, ибо другого времени у меня не было.

Первая моя статья, в которой я призывал матросов посещать воскресную школу, была напечатана в газете «Кронштадский вестник». Это меня окрылило. Я стал мечтать о литературной деятельности. С этой целью, когда я плавал с эскадрой адмирала Рожественского на Дальний Восток, я вел дневник.

С 1907 по 1913 год скитался за границей как политический эмигрант: жил в Англии, Франции, Испании, Италии и в Северной Африке. В Англии прошел через «потогонную систему».

Писал мало, лишь в часы отдыха. А во время империалистической войны и в первый период революции совсем забросил литературную работу.

В 1906 г. я написал две брошюры о цусимском бое: «Безумцы и бесплодные жертвы» и «За чужие грехи». Но они немедленно были конфискованы. В 1914 г. «Книгоиздательством писателей в Москве» была приготовлена к печати моя первая книга — «Морские рассказы». Но грянула война, а по военному времени книга оказалась нецензурной. Пришлось разобрать набор. И только в 1917 году, после свержения царизма, тем же издательством она была выпущена в свет.

В литературе я работаю немного больше тридцати лет. Но из них одну треть нужно выкинуть. За это время, зажимаемый царской цензурой, я с трудом проникал в периодическую печать. А так как кроме двух брошюр у меня не было издано ни одной книги, то я считался как бы незаконнорожденным писателем или, как раньше в деревнях говорили, «заугольышем». И только при советской власти для меня наступила возможность выпускать свои произведения в миллионных тиражах.

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Мих. РОЗЕНФЕЛЬД

На всех морях и океанах

Как-то раз в одном из дальних плаваний, нанявшись матросом второго класса, автор этих строк беспричинно попал в число бесславных «травильщиков» («травлей» называется вранье). Произошло это на корме, во время воспоминаний старого подшкипера, участника цусимской трагедии.

Заканчивая свой рассказ, подшкипер заявил:

— Лучше всего это описано у Новикова-Прибоя. Я рассказываю лишь то, что видел на своем корабле, а писатель дал полную и верную картину.

И моментально разговор перешел к произведениям Алексея Силыча.

— Читали? — раздались восклицания, — действительно полная картина!

— Что и говорить. Новиков-Прибой — сам соленый моряк, на себе испытал. Потому и пишет так. Бывалый человек!

— Морская душа, — авторитетно заметил один из стариков. — Что ни возьмется описывать, — бой, гибель эскадры, подводников, «Коммуниста» в шторме, — все верно до последней заклепки. Но как это ему дается? Ты, поди, думаешь он в Москве сидит, не вылазит из кабинета? Можешь не беспокоиться, он везде побывал на своем веку и знает всех старых моряков, на всех морях.

— Совершенно верно, — подхватил другой матрос, — он знает моряков и водится только с моряками. В Москве в его доме всегда полно нашего народу. Как только моряк приезжает в Москву, он гребет к Новикову-Прибою, и живет у него, и ест, и пьет, — живи, сколько хочешь, как свой человек.

— А ты сам, случаем, не пробовал?

Смех прокатился по корме.

Я счел уместным сообщить о том, как Новиков-Прибой любит морское общество.

Не надо, мол, преувеличивать, но в квартире писателя очень часто можно встретить матросов, кочегаров с Черного моря, Балтики и Дальнего Востока. В большинстве это участники Цусимы.

Увлекшись, я рассказал о его жизни, скитаниях и приключениях, о том, как писалась «Цусима», и о злоключениях этой рукописи. Я рассказал далее, как ныне неутомимо работает писатель и как он скрывается из Москвы за город, чтобы его не отрывали от занятий телефонные звонки и письма.

Я рассказал, что это — жизнерадостный, простой, веселый, юный по характеру человек, страстный охотник и путешественник.

Никто не перебил меня, в глубокой тишине слушали меня моряки.

Ночью, когда все уже спали, приятель-матрос подсел ко мне на койку и спросил:

— Она у тебя с собой?

— Кто, — не понимая вопроса, удивился я, — кто она?

— Книга. Книга о Новикове-Прибое?

— У меня нет такой книги. Я лично знаком с Новиковым-Прибоем...

— Ты это брось, — рассердился матрос, и его лицо мгновенно стало угрюмым и подозрительным. — Я же тебя по-приятельски прошу. Ведь мы же с тобой с глазу на глаз... Станет такой большой человек водить с тобой знакомство. Другое дело — старые моряки, им есть что рассказать, это я понимаю. Я тебя прошу в натуре... Как название?

Не получив ответа, матрос оскорбленно хлопнул дверью.

Со следующего дня большая половина команды парохода относилась к моим словам с холодной, рассеянной вежливостью. Стоило мне, забывшись, что-либо рассказать, слушатели с веселым огоньком в глазах перемигивались, и кто-нибудь обязательно, как бы невзначай, об'являл:

— Бывает! Ты все знаешь. У тебя, гляди, такие знакомые, как Новиков-Прибой.

Только в последние дни по возвращении из рейса мне кое-как удалось восстановить свою репутацию.

В конце рейса, когда, списавшись с парохода, я уезжал в Москву, провожавший меня приятель-матрос сказал:

— Может быть, ты действительно знаком с Новиковым-Прибоем, но... не может быть, чтобы о нем не было книги.

*

На каждом пароходе советского торгового флота есть библиотека.

Самые популярные, любимейшие книги моряков — это произведения Алексея Силыча Новикова-Прибоя.

«Цусиму» на судах называют «книгой-невидимкой».

Книги Новикова-Прибоя никогда не найдешь на полке библиотечного шкафа, и «Цусима» невидимкой перелетает из каюты в каюту, из кубрика в кубрик.

Книг Новикова-Прибоя нет в шкафу. Матрос еще в начале рейса взял «Цусиму», «Подводников» или «Женщину в море» и записал на свое имя. Но, прочтя книгу, он передал ее близкому приятелю, а тот не мог отказать своему другу, и вот, к отчаянию библиотекаря, которому эту работу поручили в качестве общественной нагрузки, произведения Новикова-Прибоя загадочно исчезли.

Моряки в большинстве своем — культурный, начитанный народ, любят литературу и свободные часы отдают чтению.

Но нет автора, который бы пользовался такой любовью, как Новиков-Прибой. Правдивость, простота его пленяют моряка, он чувствует Алексея Силыча своим писателем и, как патриот моря, превозносит его перед другими. Прочитав хорошую книгу доселе неизвестного ему автора, моряк, похвалив ее, обязательно добавит:

— Отличный писатель! Здорово сработано! Конечно, это не Новиков-Прибой, но вполне толковый писатель.

Но если произведение выше всяких похвал, — говорят:

— Пишет, как Новиков-Прибой!

...В Атлантическом и Тихом океанах, в полярных морях, на Земле Франца Иосифа, у берегов Шпицбергена, в тропиках, у берегов Чукотки, Камчатки и Сахалина, на всех океанах и морях, где плавают суда под флагом великого Советского Союза, мужественные славные советские моряки знают, любят и гордятся своим большим писателем — Новиковым-Прибоем.

К. ПАУСТОВСКИЙ

КРЕПКАЯ ЖИЗНЬ

Прежде всего я должен оправдать заголовок этой статьи. Слова «крепкая жизнь» ни в коей мере не означают жизнь, крепко сколоченную, благополучную, устойчивую.

Здесь слово «крепкий» должно передать понятие свежести.

Так мы говорим — «крепкий соленый ветер», «крепкая снежная крупа», «крепкий яблочный сок». Понятие силы и свежести вызывает у нас представление о крепости. Такое же представление вызывает у меня жизнь Алексея Силыча Новикова-Прибоя.

Очень часто мы испытываем жестокое сожаление из-за того, что чужая жизнь не принадлежит нам. Это также относится к Новикову-Прибою. Хотелось бы целые куски этой жизни пережить самому. Это чувство мы испытываем всегда, когда сталкиваемся с настоящей человеческой биографией.

Нужна ли писателю хорошая биография? Об этом спорят, но мне кажется азбучной истиной, что хорошая биография — это полноценная жизнь, а прекрасная книга рождается только как плод этой полноценной и созидательной жизни.

Биография не бывает случайной. Биография — это человек. Никто не сможет доказать, что Горький случайно стал писателем, а не пекарем или железнодорожным стрелочником. Поэтому, когда возникают законные разговоры и тревоги о слабости литературы, о среднем качестве книг, то разгадку следует искать прежде всего в биографии каждого отдельного писателя.

Новиков-Прибой соединил лучшие две профессии в мире — морскую и писательскую. Может быть, морю он и обязан тем, что стал писателем.

Но у Новикова-Прибоя есть еще третья профессия. О ней равнодушные горожане упоминают с усмешкой, а люди, у которых вместо ума и сердца — толстые портфели с «деловыми отношениями», считают долгом ее презирать. Новиков-Прибой — охотник.

Это значит, что он знает и любит природу — один из самых великих стимулов к оздоровлению человека. Немыслим человек социалистического общества, равнодушный к природе.

Имя Новикова-Прибоя крепко связано с «Цусимой». Но до «Цусимы» Новиков-Прибой создал цикл книг, где быт, борьба и страдания моряков старого флота переданы со скупой, но выразительной силой, цикл рассказов, пропитанных запахом гаваней, океанов и соли.

«Цусима» стала великой удачей писателя. Здесь тема настолько потрясает, что перестаешь замечать все то, что принято замечать у писателей: язык, стиль, композицию. Когда книга поражает настолько, что перестаешь улавливать, как она написана, — это удача. Это значит, что она сделана на основании еще не раскрытых нами во всей полноте законов подлинного литературного мастерства.

Сила «Цусимы» не только в простоте и точности. Сила ее — в обилии захватывающего материала и в теме — громадный флот, великая и бестолковая армада идет на смерть, как под топор палача, и об этом знают все. Идет через весь мир, через душные океаны, экватор, тропики, штормы и синие штили.

Трагичность этого погребального плавания так велика, что хочется читать о нем все больше и больше, и каждая частность приобретает в общем свете этой трагедии значительность и особую силу.

Массовый читатель и мы, писатели, должны быть благодарны Новикову-Прибою за его громадный творческий труд, за прямоту и честность его писательской мысли, за пример простоты, скромности и дружбы, который он дает нам всей своей жизнью.

Новикову-Прибою на-днях исполняется шестьдесят лет.

Я желаю Алексею Силычу, чтобы жизнь его и в дальнейшем вызывала у нас ту благородную зависть, которая толкает человека к усовершенствованию самого себя.

С. РОЗОВ

А. С. Новиков-Прибой

1

Шестьдесят лет назад, 12/24 марта 1877 года, в глухом селе Матвеевском, Спасского уезда, Тамбовской губернии, родился А. С. Новиков-Прибой. Мальчику, когда он начал учиться, грамота давалась туго, ибо безграмотные и жестокие педагоги отбивали всякую охоту к знанию. Стоило только мальчику поступить в учение к мало-мальски чуткому человеку, который сумел его приголубить, приласкать и внушить ему веру в себя, как Новиков-Прибой становится одним из самых талантливых учеников.

В нем проснулась безмерная жажда познания мира и людей. Мальчик читал все, что попадало под руку, начиная с Джека-Потрошителя и кончая астрономией. Случайная встреча возбуждает в нем любовь к морю, рождает мечту стать матросом. Призыв на военную службу эту мечту осуществил.

Новиков-Прибой попадает в Балтийский флот. Служит и учится, учится и служит. Служит со скрежетом зубовным, учится любовно, глубоко и по-настоящему. Книги раскрывают ему глаза на гнусную окружающую действительность.

Самое страшное событие, оставившее впечатление на всю жизнь: русско-японская война, Цусима. Страшное, потому что народ расплачивался жизнью за грехи царизма. Баталер Новиков выжил среди страданий и стонов, предсмертных хрипов геройских моряков, отбивавших яростные атаки японцев. Потом бесконечные скитания (Англия, Франция, Испания, Северная Африка), случайная газетная и журнальная работа. По-настоящему писателем Новиков-Прибой становится только при советской власти, хотя пишет уже 30 лет; книга, создавшая ему заслуженную популярность, — «Цусима».

Новиков-Прибой — оптимистический писатель. Человек, прошедший тяжкую и суровую жизнь на кораблях царского флота в годину бесчеловечной бойни, он всегда верит в человека, он подлинный гуманист. У него находятся яркие и гневные слова по адресу придворного льстеца и бездарного военачальника Рожественского. Но с большой любовью пишет он о рядовом матросе, погибающем в далеком и безвестном Корейском проливе.

Все рассказы и романы Новикова-Прибоя крепко посолены шуткой и юмором. У него нет абстрактных образов, он всегда конкретен, люди его живут подлинной жизнью. Он показывает, как в страшных и тяжелых условиях закаляются и заново рождаются люди. Возьмите, например, «Цусиму», вторую книгу. Она рассказывает о смерти и умирании, но ясно видишь и ощущаешь, читая роман, что в грохоте канонады, среди взрывов снарядов прозревают матросы. Они, или их младшие братья, в 1917 году, в Великую Октябрьскую Пролетарскую революцию, вместе с большевиками, под их руководством будут штурмовать старый капиталистический мир.

2

Новиков-Прибой ненавидит старый мир насилия и зла. У него с этим миром старые — крестьянские и матросские — счеты. Он ненавидит отвратительное, нажившееся на бедняцких слезах российское кулачество. В рассказе «Порченый» автор изображает бывшего солдата П. Колдобина — паука, кровососа. Показывает его одним-двумя штрихами, описывая обстановку жизни Колдобина. У Колдобина есть все — и кисейные занавески и искусственные цветы в фарфоровых кувшинчиках. «В переднем углу, на божнице, заблестели новые иконы в посеребренных оправах, больших киотах с золотым виноградом, а на стенах — пестрые лубочные картины: страшный суд, генералы, голые женщины. В простенках между окон, выходивших на улицу, висело овальное зеркало, правда, кривое, уродовавшее лицо, но зато большое и в раме, окрашенной в вишневый цвет, с резьбой наверху». Логовище зверя выписано спокойной рукой художника. Эта безвкусица жилья кулака отражает внутренний мир мироеда, который хочет внешне жить «как все», который под ширмой благолепия скрывает темные и злые дела. Кулак дан не как размалеванная карикатура, а как отвратительное жизненное явление.

В творчестве А. Новикова-Прибоя есть и элементы романтизма. Некоторые неудачливые критики зачисляют его в «певцы моря». Нет ничего ошибочнее этой оценки. А. Новиков-Прибой — певец человека, его радости, страданий, побед над самим собой и окружающей действительностью прошлого. Море в произведениях писателя — лишь фон, лишь хорошо знакомый пейзаж. Главное в них — люди. Новиков-Прибой хорошо знает матросскую среду, но он не ползучий бытописатель, а подлинный реалист.

Вспомните одну из его самых удачных повестей — «Женщина в море». В открытом море в долгие дни одиночества обнажаются человеческие страсти, тоска переходит в безумие, а страсть — в неистовство. Новиков-Прибой показывает и грубую физиологию, но он находит яркие и лирические слова о том, как прекрасен человек, как умеет он побороть низменные и низкие чувства. Героичен и прекрасен человек.

Чувство гордости за человека, вышедшего из народа, не покидает писателя на всем протяжении его творческой жизни. «Подводники», «Ералашный рейс», — это та же реалистическая линия, правда о людях и жизни.

У Новикова-Прибоя вы не найдете вылощенной и выхолощенной фразы, не найдете словесных изысков и побрякушек. Слово для него — правда, правдивым словом он рассказывает о жизни, рассказывает безыскусственно, честно и прямодушно. Литературные эстеты не любят Новикова-Прибоя. Страшная правда его книг лежит вне эстетского восприятия.

3

Когда вышли первые рассказы Новикова-Прибоя, критический кликуша Ю. Айхенвальд писал: «Эти рассказы — гнетущая правда. Эта правда поважнее литературы, **но все же не литература»**. Эстетствующий буржуа ставил писателя вне литературы.

Рабочие и крестьяне нашей страны по-другому расценивают рассказы, повести и романы Новикова-Прибоя. Они любят, они читают и перечитывают по многу раз его произведения. Они видят в писателе человека, продумавшего и прочувствовавшего жизнь прошлого, проклявшего былое, показавшего ужас вчерашнего дня, чтоб сильнее любить сегодняшний и завтрашний день. Многомиллионный читатель Страны советов считает Новикова-Прибоя подлинным художником.

Художественную зрелость, полнокровное мастерство Новиков-Прибой обнаружил, создав замечательную книгу «Цусима». Эта книга разошлась в сотнях тысяч экземпляров, она известна не только в СССР, знакомы с нею широко и за границами Советской страны. Смысл этой книги, ее основную идею отражает следующее место из первой книги «Цусимы»: «Перегруженная углем и запасами, измученная походом и дезорганизованная духом безверия, она (эскадра) медленно подвигалась к пропасти. Это понимали все, начиная с любого командира и кончая последним гальюнщиком. И все-таки мы не повернули обратно. Почему? Потому, что младшие флагманы не противодействовали командующему, а судовые командиры не осмеливались возражать младшим флагманам, а офицеры не могли ослушаться командиров, а кондуктора, боцманы, капралы и матросы просто были не в счет. Казалось, никто уже не мог предотвратить приговора истории. Все люди находились на своих местах, все исполняли свои обязанности. Из труб вываливал дым, за кормой вращались винты, бурля незнакомые воды. И корабли, черные и молчаливые, с видом бесстрастного покоя, шли вперед, чтобы похоронить в пучине чужого моря раздутую славу Российской империи и последнюю надежду нашей манчжурской армии» [1].

Матрос броненосца «Орел» второй тихоокеанской эскадры Новиков-Прибой выдает свидетельство о бедности российскому царизму.

Книга написана «кровью сердца», здесь — итог пережитого, передуманного, запечатленного. В «Цусиме» — правда о закате самодержавия, о безумии правящей клики, о разложении, гнилости и гибели самодержавия. В 1904—1905 году обнаружилось точно и непререкаемо, что самодержавие прогнило насквозь. Путь российской эскадры в Японское море — путь слепых, путь российского дворянско-буржуазного строя. Ни героизм матросов, ни безумная храбрость отдельных офицеров не смогли спасти обреченной на слом системы военно-феодального империализма.

4

Книга Новикова-Прибоя высоко патриотична, ибо она показывает великий русский народ, боровшийся с иноземным врагом. Народ, который не победил потому, что был опутан предательством, своекорыстием и бездарностью правящего класса. Достаточно вспомнить страницы, посвященные героическому командиру Блохину и всей команде крейсера «Дмитрий Донской».

Крейсер один отстреливался от шести японских крейсеров, а два из них вывел из строя.

«Донской», весь избитый, с просачивающейся в трюмы водой, с креном на пять градусов, продолжал свой тяжкий путь. На нем мало осталось пушек, но он упорно отбивался от японцев. Передняя труба на нем была вся продырявлена осколками, а задняя оказалась развороченной снизу доверху. Тяга упала, ход уменьшился, но крейсер, словно обеспокоенный своей собственной судьбой, продолжал двигаться вперед, унося на себе трупы, кровь и бой, отчаяние и надежды всех, кто топтал его палубу».

Насквозь прогнивший режим рождал командиров, ведших войска на поражение. Адмиралы Макаровы были трагическими исключениями.

Царская Россия была бита. «За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно» (Сталин).

Роман «Цусима», раскрывший и показавший эту чудовищную отсталость на примере войны 1904—1905 гг., — крупный вклад в советскую литературу.

Роман рассказывает о гибели старого, но он мобилизует на борьбу с врагом сегодня. Наша армия и флот совсем не похожи на старые царские флот и войска. Они нанесут сокрушительный удар каждому, кто посмеет нарушить границы Советской страны.

Мы вправе сейчас ждать от Новикова-Прибоя книги об этом новом Красном флоте.

Новое произведение, которое пишет сейчас Новиков-Прибой, будет посвящено судьбе человека, прошедшего каторгу старого флота, а ныне счастливого командира на одном из советских кораблей.

А. С. Новиков-Прибой прошел длинный путь учебы у жизни, от матроса «Затертого» (таков его первый псевдоним) до любимейшего массами советского писателя.

Хочется закончить статью строками самого Новикова-Прибоя. Он написал их для «Литературной газеты».

«Я прожил 60 лет, но мне кажется, что родился я только 20 лет тому назад. Как писатель, я рос и совершенствовался вместе с Советской страной. Моя родина дала мне все. Я горжусь, что дни моей жизни протекают в Советском Союзе. Сталин для меня является недосягаемым идеалом. Он знает, любит и понимает писателей. Под руководством Сталина создана мощь нашей страны. Будем благодарны ему и большевистской партии, преобразившим нашу жизнь. Я обещаю сделать все, чтобы оружием слова, в меру моих сил, способствовать дальнейшему процветанию великого социалистического государства».

---

1 «Цусима», книга 1-я, стр. 410.

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Граф

Отрывок из новой повести «Капитан I ранга»

Был у нас лейтенант графского происхождения. Служил он вахтенным начальником. С виду очень представительный человек: высокий, лицо складное и точно тончайшим резцом вырезано, рыжие усики — как два обручальных кольца, глаза синие, но холодные, как зимнее небо.

Каждый день он брился и пудрился и одет был с иголочки.

На черном галстуке сверкал бриллиант, как звезда. Раскроет, бывало, свой золотой портсигар, усыпанный драгоценными камнями, и сейчас же раздается тихая и очень приятная музыка. По всему было видать, что он принадлежит к знатному роду. Недаром его побаивались даже офицеры. Таким графом только бы любоваться, словно хорошей картиной.

Но не дай бог с ним вместе служить. Он не то, что другие начальники, — не шумел, не ругался и не дрался, и все же такого пакостного человека не сыскать. Офицеров и то презирал и почти не разговаривал с ними. А когда с кем-нибудь здоровался, сунет ему одни пальцы и никогда не пожмет руки. И пальцы у него всегда были холодные. Я, конечно, не щупал их, но знаю об этом из разговоров в кают-кампании.

Офицеры прозвали его «Пять холодных сосисок». Эта кличка перекинулась в команду, и все стали его так называть. Если уж к офицерам он относился так пренебрежительно, то нечего и говорить о матросах. Они вызывали у него какое-то гадливое чувство. Для каждого из них при обращении к ним у него было лишь одно название: «вобла». Для гребцов большое горе было, когда приходилось куда-нибудь отвозить его на шлюпке. Никак не угодишь ему. Наказывал матросов он всех скопом. Сначала скомандует:

— Суши весла!

А потом, чтобы не поганить своей графской руки о матросское лицо, прикажет правому загребному:

— Ну-ка ты, вобла паршивая, дай по морде следующему гребцу, а тот пусть передаст дальше, чтобы кругом пошло!

И начинают раздаваться удары. Матросы лупцуют друг друга.

Последним получает удар тот, кто начал,—правый загребной от левого загребного. Пока матросы занимаются избиением один другого, граф «Пять холодных сосисок» строго наблюдает за ними. Если ему покажется, что они слабо это делают, приказывает еще раз повторить то же самое. Каждый из них возвращается потом на судно с красной и припухшей левой щекой.

Таков был этот начальник знатного рода. Хоть бы понятие имел в морском деле. Вахта у него, ходит себе по мостику и покрикивает:

— Фалы подтянуть!

А их уже двадцать раз подтягивали. И в кают-кампании он таков. Какой бы чай ему ни подали — жидкий или крепкий, — он всегда недоволен и приказывает вестовому:

— Отлить и долить!

Однажды вестовой ответил ему:

— Отлито и долито, ваше сиятельство.

Граф рассердился:

— В карцер на трое суток, вобла!

Кто-то из офицеров написал на него карикатуру. Кому-то он протягивает руку, а на ней вместо пальцев— пять сосисок. Внизу подпись: «Граф Пять холодных сосисок». Эту карикатуру послали ему по почте. Эх, и взбеленился он, когда распечатал конверт! Сейчас же к командиру с жалобой. При мне это было, я в спальне находился, кровать своего барина убирал.

Граф раскричался:

— Я не позволю, чтобы надо мною так издевались! Наша графская фамилия из старинного рода, четыреста лет существует. Я прошу отдать под суд виновника.

Командир осадил его:

— Напрасно, граф, вы кричите так громко. Мой слуховой аппарат в полной исправности. Я хорошо услышу вас, если вы будете разговаривать со мною тихо и спокойно. Это, во-первых. А, во-вторых, кого же я должен отдать под суд? Кто автор этой карикатуры?

Граф сразу осекся и стал умереннее говорить:

— Это сделал какой-нибудь негодяй из команды. Я раньше слышал, как при моем появлении на палубе матросы повторяли фразу: «Пять холодных сосисок». И только теперь мне стало понятным, в чем дело.

— Так вот что, граф, я должен вам сказать. От этой клички вы никогда не избавитесь. На какое бы судно вас ни перевели, она будет преследовать вас наравне с вашей настоящей фамилией. Почему? Да потому, что нашим матросам никто не запретит встречаться с командой того судна, на каком вы будете плавать. Вот они-то все и расскажут о вас.

Так граф «Пять холодных сосисок» и ушел от командира ни с чем.

Это произошло в итальянском порту Генуе.

Русская эскадра еще накануне ушла в Палермо, а наш броненосец «Сириус» на несколько дней остался здесь, чтобы закончить ремонт в машинах. С двенадцати часов дня граф вступил на вахту. На небе — ни облачка, сентябрьское солнце с морем играет, а он ходит по мостику злой, как будто у него печень распухла. Флотскую фуражку с белым чехлом на лоб надвинул и ни на кого не хочет смотреть. Какие мысли в это время копошились в графской голове? К удивлению всех, он ни разу не выкрикнул свою обычную команду, чтобы фалы подтянули. Только через час выяснилось, чем была занята его голова. Он приказал вахтенному отделению выстроиться во фронт на шкафуте. Граф спустился с мостика, обвел глазами вытянувшихся матросов и спросил:

— Кто из вас любит сосиски?

Все в недоумении молчали. Тогда он отобрал из фронта шесть матросов, какие ему лицом не понравились, и приказал им сесть на шестивесельную шлюпку. С корабля им подали буксирный трос, прикрепленный за кнехт. Когда все было приготовлено, граф с мостика крикнул, держа перед губами мегафон:

— На шестерке! Весла на воду!

И вот шесть человек начали буксировать броненосец водоизмещением в тринадцать с половиной тысяч тонн.

При полном безветрии пекло солнце.

Изгибались гребцы, разноцветно вспыхивали лопасти весел.

От бортов шестерки разбегалась сияющая рябь. Что переживали ни за что ни про что наказанные матросы? Они были выставлены на посмешище. Оскорбление их увеличивалось еще тем, что занимались бессмысленным делом. Это все равно, как если бы заставили шесть комаров тащить за волосы человека.

Большинство команды вышло на верхнюю палубу.

Всем обидно было за своих товарищей, но они ничего не могли поделать против графа. И некоторые офицеры возмущались его поступком. Все-таки им было обидно за свое судно. Генуя — мировой порт. Сотни кораблей стояли под флагами разных наций. Со многих из них смотрели в бинокли на это нелепое зрелище. Сначала они вероятно не понимали, в чем дело. Тысячи таких шлюпок не могли бы сдвинуть с места броненосец, стоявший на якоре. А тут русские хотят что-то сделать при помощи только одной шестерки. Потом-то, конечно, они догадались, что это придумано своего рода наказание для матросов.

Сам граф «Пять холодных сосисок» остался доволен своей затеей: ходит себе по мостику, как жених, и закручивает усы в колечки. По временам направлял мегафон на шестерку и кричал:

— Эй, вобла! Навались на весла!

Вечером за выпивкой я подробно рассказал командиру, как граф издевается над матросами. Это задело командира за живое. Он раздраженно, словно обидели его лично, сказал:

— Давай книгу приказов!

Никогда раньше он не писал так свирепо, как на этот раз. И откуда только такие умные слова у него нашлись. Матросов он возвеличил, назвал их защитниками родины. А графа «Пять холодных сосисок» искромсал и за нарушение правил Морского устава приговорил его к трем суткам ареста в каюте с приставлением к нему часового.

А. ЭРЛИХ

НЕ ТРОНЬ МЕНЯ!

1

Писатель Беляев признал «совершенно ясно и открыто» в особом письме в редакцию, что опубликованный им совместно с Бор. Пильняком роман «Мясо» — работа недобросовестная, халтурная.

Критик И. Сац — опять-таки в особом письме в редакцию — обнародовал, что «никогда и нигде, ни письменно, ни устно» он не высказывал злополучной мыслишки, которую ему «приписывает т. Ставский» и которая, увы, довольно отчетливо выражена им и запечатлена в печатном виде.

Слишком много литераторских «писем в редакцию». Эпистолярный жанр грозит стать у иных авторов основной формой литературного творчества. «Письма» приобретают характер бытового явления, и их впору рассматривать как некие самостоятельные «произведения», в которых жрецы раскрываются с незавидной человеческой изнанки перед ошеломленным читателем. Разумеется, речь идет не о тех письмах, в которых обсуждаются какие-либо творческие или общественно-политические вопросы.

При видимом многообразии поводов, исторгающих фонтан защитительных или уничижительных высказываний, они легко сводятся к одной и той же основе, к единственной причине причин:

— Не тронь меня, и я тебя не трону!

Прежде чем самолично и всенародно высечь себя, С. Беляев долго действовал вполне солидарно со своим именитым соавтором.

Вместе они писали, вместе публиковали, вместе негодовали по поводу несправедливых, будто бы, нападок критики, вместе выступали на читательской конференции и рассказывали, как они честно живут и вдохновенно работают, вместе позировали перед фотоаппаратом, торопясь хлебнуть из чаши славы.

«Больше так работать не буду» — в заключение обещает С. Беляев, напрасно полагая, что скандальное самоистязание в какой-либо мере сродни честной самокритике.

Сочинители большинства таких «Писем в редакцию» озабочены единственно собственной персоной. Только ущемленное самолюбие движет их страстями и мыслями и только оно заставляет их прибегать даже к возмутительным, позорным или унизительным приемам самозащиты: к злостному обману и к бессовестной подтасовке.

— Не тронь меня, и я тебя не трону!

Творческий застой и неудачи многих авторов можно легко об'яснить одной лишь этой беспринципной позицией.

Назначение критики у нас часто принято ограничивать ролью раздатчика ярлыков на славу. Только и дела у научных спутников искусства, какими должны быть настоящие критики, что помазать целительным елеем воспаленное авторское самолюбие!

Не совместная строгая и принципиальная борьба за непрерывный под'ем советского искусства, а беспринципная возня с личностью и самолюбием автора, с его установившейся и ни при каких условиях не подлежащей умалению репутацией, с его правом на славу и переиздания.

Весьма незавидной представляется роль критики любителям «Писем в редакцию», в большинстве людям равнодушным, беспечным и просто недобросовестным в творчестве.

2

К сожалению, в этом немало повинна и сама критика. Слишком осторожна и нерешительна она. В «опасных» же случаях иной критик предпочитает своеобразное двурушничество прямому и откровенному мнению.

Новую пьесу Киршона один талантливый и авторитетный режиссер неумеренно хвалил с трибуны. А за пять минут до этого, сидя в зале, тот же режиссер шепотком бранил ту же пьесу своим соседям, бранил, нисколько не стесняясь в крепких выражениях.

Режиссер этот руководствовался, очевидно, все той же формулой, лишь несколько перестроенной, сообразно с его личными творческими установками:

— Я его не трону, и меня оставят в покое.

Подобное лицемерие и двурушничество не сулят ничего доброго советскому искусству и содействуют лишь упрочению давно пошатнувшихся или безосновательно раздутых авторских репутаций. Самолюбие и чванство получают богатую пищу, а мастерство и культура могут сохнуть на тощем пайке.

Вовсе не так много новых книг выпускают наши издательства, но далеко не все они, и даже не все наиболее заметные из них, получают отзвук у критической мысли. Читатель давно уже собирается на специальные конференции, на особые совещания при научных институтах, в различных учреждениях, в редакциях журналов и обсуждает с громадным интересом новую книгу И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка». А на столбцах критических журналов и отделов, на страницах газет еще ни один критик не признался, какие мысли породила в нем новая книга.

Тут есть над чем призадуматься. Можно ли допустить, что критики еще не знают, еще не читали «Одноэтажной Америки»? Нет, нет, самая мысль эта оскорбительна для профессионального и заинтересованного критического мира. Может быть, они отстают от читателей, может быть, мысль их менее поворотлива и гибка, и они попросту еще не успели решить, что именно следует им думать? Конечно, нет!

В нашем воображении отчетливо звучит хор возмущения, вызванный подобного рода предположениями. Что же остается? По какой причине ни один из многочисленных наших славных критиков не об'явил до сих пор во всеуслышание своих размышлений о новом этапе в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова?

Какие он усмотрел у них опасные ошибки, от каких грехов он считает полезным предостеречь их в будущем, какие достоинства и качественные особенности, заслуживающие одобрения, развития и роста в дальнейшем творчестве, обнаружили в новом труде популярные авторы?

Тут мы боимся коснуться сокровенных дум критической мысли и, во избежание будущих «Писем в редакцию», заранее приносим извинения за возможную обиду. Авторы «Одноэтажной Америки» несколько благосклонно отнеслись к некоторым типическим особенностям американской жизни. Может быть, это правильно, а, может быть, и... И похвальная осторожность оборачивается недостойной трусостью. И трусливая мысль призывает все ту же спасительную формулу, новую вариацию все того же, единственного, универсального принципа:

— Я их лучше не трону, а то меня как тронут!..

3

Невольно вспоминается спор между одним из советских театральных критиков Ю. Юзовским и одним из подлейших, в ту пору еще тайных, агентов троцкизма в нашей стране, Радеком. С какой недопустимой бранью сей господин набросился на своего оппонента, какими бешеными столбцами он обрушился на корректного противника, с какой яростью он распространился по газетным полосам, чтобы унизить и обвинить в самом безнадежном невежестве и в самых смертных грехах автора, осмелившегося высказать в спокойной и убедительной форме неугодные ему мысли.

К общему стыду следует также напомнить, что возмущенных бесстыдным и развязным выступлением Радека было множество, и немало страстных слов произнесено было по этому поводу в «коридорах», но ни единого звука не последовало гласно. Снова тот же принцип. Опять все та же формула:

— Я его не трону, и он меня не укусит!

Честно и искренно думающему советскому писателю некого, незачем и не за что бояться.

Истинно принципиальная, большевистская самокритика, движимая не чувствами низкопробной обиды, не вонючей и судорожной рябью ущемленных самолюбий, а интересами общего великого дела и общего роста, приносит неоценимую пользу, прямо пропорциональную честности, искренности и резкости.

Все, о чем мы здесь говорили, мешает свободному развитию самокритики.

Советскому критику не следует таиться в трусливом выжидании с собственными мыслями.

Пусть завоевана будет истина в честном споре, не грозными окриками, не безапелляционными приговорами, а всем весом железной большевистской аргументации.

Чем смелее, честнее, откровеннее будут разворачиваться критические споры, тем лучше, тем больший расцвет ожидает и советскую литературу, и советских авторов, и тем уже и затрудненнее станет поле литературной деятельности для таких волков-двурушников, как Макаров, Пикель, Васильев, Смеляков, Тер-Ваганян, Майзель и прочие.

«Не тронь меня» задерживает здоровый рост советской литературы, питает пережитки капитализма в нашем сознании и в нашей среде и помогает врагу ловко и длительно маскироваться.

■ ■ ■

Памятник коммунарам на кладбище Пер-Лашез в Париже

В порядке обсуждения

В. ФИНК

Пора услышать голоса писателей

Я познакомился с неким английским книгоиздателем. Он знал, что я — писатель, однако спросил, какая у меня профессия. Я был удивлен этим вопросом и повторил, что занимаюсь литературой.

— Да! Но неужели вы, в ваши годы, уже живете на литературный заработок?

Он при этом еще раз оглядел меня, как бы с удивлением констатируя, что у меня не слишком тощий вид и что я одет не в лохмотья. Одновременно он еще раз убедился, что я моложе Бернарда Шоу.

— У нас в Англии, — сказал он, — писатель ваших лет должен иметь еще одну, основную профессию, обеспечивающую жизнь. Он — адвокат, врач, педагог, клерк. А литературой занимается лишь как побочным делом, так сказать, «для души». Исключение составляют мировые знаменитости или авторы бульварных романов!

То же самое во Франции. Неплохой французский писатель, побывавший недавно в Москве, рассказывал мне, что хоть он и выпускает по роману ежегодно, но если бы не две службы и не самостоятельный заработок жены, то не на что было бы жить.

Литературой там приходится заниматься «в свободное время», по ночам.

Можно ли сравнить это с нашими условиями?..

Конечно, преувеличены разговоры о писательском «зажирении». Советский писатель живет не лучше и не хуже, чем всякий другой специалист соответствующего уровня квалификации. Но и этого довольно. Наш писатель имеет полную возможность заниматься своим делом и жить литературным трудом.

Но все ли члены нашей организации работают в полную меру своих сил и способностей? Увы, нет.

Разговор об этом зашел у меня с одним товарищем в кулуарах последнего пленума. В зале говорилось о некоторых писателях, которые не пишут.

— Который раз! — сказал мой товарищ. — Но заметьте, когда говорят у нас о писателях, которые не пишут, то имеют в виду всегда одних и тех же двух-трех крупных писателей. Однако у нас совершенно не обращают внимания на то, что кроме двух-трех больших талантов, не делающих своего прямого дела, в союзе есть сотни писателей просто талантливых или даже просто способных, но тоже не делающих своего дела или делающих не свое дело. Страшно много народа занимается халтурой.

— Я хочу об'яснить, — сказал мой собеседник, — что, по моему, следует понимать под этим словом. Я имею в виду не недобросовестное отношение к своей работе, не стремление сварганить рассказ или повесть тяп-ляп, было бы горячо, и поскорей в кассу. О людях недобросовестных сейчас говорить не хочется. Я хочу указать на громадную армию наших товарищей, которые работают старательно, добросовестно и честно, но делают не свое дело.

— Люди занимаются редактурой, правкой, переводами, пишут надписи для кино, работают по мелким журналам и газетам и т. д. и т. д. Я думаю, что как бы доброкачественно ни выполнял человек такую работу, но если он может делать большее и не делает, то это и есть самая подлинная, самая страшная, самая заедающая и опасная халтура. Она опаснее и вреднее, чем халтура-недобросовестность, ибо она не вызывает ничьих нареканий и остается неразоблаченной, а от нее наше литературное хозяйство страдает более чувствительно, чем от халтуры злостной.

Конечно, это не единственная болячка нашей литературы, но болячка серьезная и в качественном и в количественном измерениях.

★

В чем же дело? Почему люди не работают? Что нужно сделать, чтобы они работали?

Конечно, вся беда в бесконтрольности.

Приходится признать, что пленумы, с'езды, дискуссии по отдельным вопросам и всякие другие массовые виды контроля, критики, оценки и переоценки литературного творчества могут быть хороши лишь как дополнение к каким-то другим мероприятиям, к таким, которые подходили бы к писателю более тесно, более вплотную.

Если бы каждый член союза чувствовал себя под контролем своего коллектива, если бы он знал, что коллектив пред'явит ему счет, если бы коллектив вторгался в кабинет писателя и не позволял ему увиливать от прямых обязанностей, понуждал его заниматься своим делом и, в случае необходимости, помогал ему в этом, то человек работал бы во всю свою силу, давал бы все, что может.

Но, к сожалению, рядовой член союза видит наших руководящих товарищей и особенно писателей-коммунистов большей частью лишь на трибуне с'езда, на митинге, на параде, на общих собраниях и никогда не видит их у себя. Никогда не зовут его и в союз, чтобы узнать, работает ли он и над чем, а если нет, то почему.

Можно, конечно, притти в союз самому и быть легко принятым. Но зачем же придет в союз человек, который не выполняет своих обязанностей? Психологически он должен стараться избегать встречи с руководством союза, он должен стараться не попадаться на глаза.

О необходимости перестройки работы правления союза говорилось и писалось уже не раз. Литературный труд такой же труд, как и всякий другой. Значит, и здесь нужно индивидуальное руководство, руководство «у станка», поголовное знание живых людей.

Если же личная, индивидуальная, интимная творческая связь между союзом и каждым отдельным писателем не налажена, то неудивительно, что чувство принадлежности к коллективу, т. е. чувство ответственности перед ним за свою жизнь и за свою работу развито у нас не очень высоко. Скажем прямо, оно и вовсе у нас не развито. Об этом у нас говорят слишком много и слишком часто. Но говорят по углам, говорят между собой, т. е. говорят непроизводительно.

★

Не пора ли теперь, в связи с последними постановлениями пленума ЦК, взяться за более конкретное и эффективное рассмотрение этого вопроса? Конечно, пора.

Но ведь одно дело — критиковать, подвергать деятельность правления нареканиям и нападкам, и совсем другое, и гораздо более трудное дело — найти методы эффективного руководства таким специфическим трудом, как труд литературный.

У нас не раз приводили в пример покойного Орджоникидзе, который знавал отдельных мастеров на самых далеких заводах своего наркомата.

Известно, что Л. М. Каганович знает своих людей, работающих за тысячи километров от Москвы.

Известно, что в воинских частях дивизионный комиссар знает всех своих коммунистов.

Известно, что это знание людей — лучшая основа руководства.

Но нельзя забывать, что во всех отраслях труда люди находятся в прямой и непосредственной зависимости от своего руководства, в подчинении у него, они связаны писаной и обязательной дисциплиной. У нас такой дисциплины нет. У нас нет высокого гражданского чувства и это делает вопрос о руководстве довольно-таки трудным.

Не было ли бы поэтому правильным созвать небольшое совещание литературного актива и поставить вопрос о выработке наиболее эффективных методов повышения качества и производительности нашего труда на коллективное обсуждение? Это дало бы выход всем мнениям, это уменьшило бы количество справедливо-недовольных, не чувствующих себя членами коллектива.

Нельзя, конечно, мерами оранжерейными взрастить еще одного Льва Толстого и еще одного Пушкина. Но гении и великие таланты пробивали себе дорогу и в тяжелые времена. Тем более не останутся они незамеченными в наших условиях.

А наш союз писателей создан ведь не для поощрения гениев, а именно для повышения общей производительности и общего качества труда литературной массы. Пусть же сама эта масса скажет, как она себе это представляет.

Вперед, к счастью!

ИЗ РЕЧИ тов. АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

16 марта, в Лондоне Обществом культурной связи с СССР был устроен прием в честь писателя т. Алексея Толстого. Выступив с речью о советской литературе, А. Толстой сказал:

«Советская литература первого периода, я считаю его со времен гражданской войны до начала строительства первой пятилетки, носит все следы изобилия сырого материала, стремления к гигантским масштабам и часто дилетантской неопытности художника. Литература оперирует глыбами материала, рисует огромной кистью, ярко, условно, неряшливо. Герой литературы — человеческая масса — толпа. Человеческие персонажи недиференцированы, это скорее огромные контуры людей, контуры, налитые страстью и темпераментом, присущими массам. Наиболее мощным, наиболее выразительным, наиболее дерзким и конгениальным эпохе художником я считаю Владимира Маяковского».

Далее Ал. Толстой особо остановился на творчестве поэта Э. Багрицкого и на его поэме «Дума про Опанаса».

«Советскую прозу и драматургию этого периода, — продолжал А. Толстой, — я бы определил, как фрагменты огромного, еще не написанного полотна истории. Здесь смешение литературных школ и методов искусства, от дикого импрессионизма Пильняка до натурализма гладковского «Цемента».

Кто читатель этой литературы? Не нужно забывать что 17—18 лет тому назад Советская Россия была еще в лохмотьях царского наследства: 70 проц. неграмотных, а у некоторых народов и на все 100 проц. Наши книги того времени издавались тиражом 5—10 тыс. экземпляров, и мы в лицо еще не знали хорошо нашего читателя. В сознании читательской массы литература играла скорее служебную роль: или как пропаганда, или как отдых и развлечение. Тогда еще нужно было сначала вспахать землю, построить себе жилище и соткать одежду. Литература была еще роскошью для широких масс...

Рубежом второго периода советской литературы я считаю начало осуществления большого плана индустриализации и коллективизации сельского хозяйства страны, начало первой пятилетки. Все силы страны были мобилизованы, как для великой войны. Гарантией успеха столь дерзкого и грандиозного замысла, как превращение в пять лет самой отсталой из европейских стран в передовую, была идея Ленина, положенная в основу нашей революции: — всякий народ таит в себе неисчерпаемый источник творческих сил. Нужно создать лишь такие условия, при которых эти творческие силы освободились и получили бы свою наибольшую эффективность.

Скептиков было достаточно при начале осуществления первой пятилетки, и скептиков, и недовольных, и врагов, и вредителей.

У советского корабля трещали мачты и рвались паруса. Иосифу Сталину пришлось крепко держать руль, ведя корабль к поднимающимся из-за горизонта очертаниям новой земли социализма, казавшейся иным призрачной.

Все, все в стране было призвано на службу, в том числе и литература... Еще недописаны романы из эпохи гражданской войны или повести из вчерашнего обывательского быта, уже ставшего сразу пережитой историей, а уже многие писатели, увлеченные водоворотом строительства, поехали туда, где взрывались скалы и валились леса для фундамента заводов и новых городов.

Для этого второго периода советской литературы характерен очерк, торопливое, деловое, очерковое произведение... Характерен быстро возникший и широко развернутый интерес миллионных масс строителей к тому, чтобы были запечатлены их дела и их усилия. Литература вовлекается в строительство. Многие из писателей, которые не хотят этого понять или считают себя хранителями священного огня в уединенных пещерах — подвергаются страстной критике читателя... «Давай сегодняшний день! Рассказывай нам про нового человека, взрывающего горы и валящего вековую тайгу...» На всех стройках, на заводах, в глубоких лесах, в тундрах, на севере — появляются газеты, — от многотиражных печатных до стенгазет.

Народ, строя, хочет учиться и учится с таким же грандиозным упорством и страстью, с каким взрывают горы и валят леса... Учатся все, и старые, и малые,—растет потребность в знании и потребность в культуре.

Литература этого периода необычайно плодовита. Но в ней нет законченных, завершенных, сформулированных произведений. Нет и не могло быть, так как это было бы противоестественно. Писатели поглощают жизнь, учатся сами и пишут без отрыва от производства...

Теперь, — указал далее Ал. Толстой, — заводы, намеченные большим планом, построены, созданы рабочие, инженерские кадры, стахановское движение опрокинуло прочный предрассудок о «славянской душе», способной лишь на мечтательность и созерцание... Заводы освоены, заводы работают на полный ход. Десять лет тому назад под самой Москвой мы видели крестьян в лаптях и домотканных рубашках, идущих за древней сохой. Сегодня колхозы пашут на тракторах и убирают хлеб комбайнами. Колхозы строят кинотеатры, покупают для своих нужд самолеты и автомобили, крестьянская молодежь все возрастающим потоком вливается в высшие учебные заведения республиканских столиц, где высшее, не говоря уже о низшем и среднем, обучение бесплатно...

Наши читатели любят современную литературу. Они очень требовательны и нетерпеливы. Они пишут письма писателям, спрашивая не особенно любезно: «Почему вы так мало говорите о современной девушке, вы совершенно не знаете девушку...»

Из-за этих вопросов 50 или 60 млн. читателей писателю Советской России жить очень беспокойно.

Наш молодой читатель обычно уверен в себе. Да и как и не быть уверенным, когда всего за 10 лет — силами творчества и волею всего народа — страна поднялась из развалин и стала богатой и мощной.

Эти читатели, пишущие требовательные письма писателям, знают, что наша Красная Армия, воздушный и подводный флот самые сильные в Европе, и ни одной комбинации агрессоров не удастся сокрушить дело строящегося социализма... Они спокойны, они со свойственной им уверенностью в завтрашнем дне идут вперед. Самое тяжелое осталось позади. Перед ними — освоение духовной культуры.

В такой обстановке происходит развитие третьего периода советской литературы. Писатель имеет дело с требовательным и выросшим культурно читателем... Притом организованным читателем... Этим летом молодые читатели — рабочие одного большого завода на Волге — просили меня приехать на читательскую конференцию, где обсуждался один из моих романов. У меня не было времени, я отказался. Тогда читатели прислали за мною двухместный самолет. Мы полетели с моей женой и приземлились на травянистом поле, где нас встретило около тысячи нарядных и веселых девушек и молодых людей.

После того, как в заводском клубе я почитал им из нового романа, завязалась литературная беседа. Но поднимались мои молодые читатели, чрезвычайно осведомленные в советской и мировой литературе, и вы не думайте, что уж очень хвалили меня: это у нас не принято, обычно дискутируют, указывая на недостатки.

В конце вечера шесть девушек, одетых в спортивные костюмы, принесли и подарили мне ими самими построенный великолепный мотор для лодки.

Читательские конференции, литературные кружки и литературные отделы в фабричных и заводских газетах об'единяют и развивают 50-миллионную массу советских читателей.

Литературе ставятся все более строгие требования качества. О дилетантизме первого периода, об очерковой торопливости второго периода не может быть и речи. Современный читатель требует теперь обобщения пройденного страной пути, он требует — показать ему героя нашего времени. Период неряшливой кисти, оперирования безликими массами — миновал. Нам нужно индивидуализированное лицо человека, нужен реальный тип, он уже сложился, он уже в быту. Читатель требует поставить перед ним живой моральный образец лучшего советского человека. Читатель ищет высоких волнений души. Наш читатель—оптимист прежде всего, я даю тысячу фунтов тому, кто уговорит нашего молодого читателя в том, что мир не стоит того, чтобы в нем жить и что уныние и безнадежность, и пессимизм, и презрение к людям — должны быть содержанием искусства..

Переход к третьему периоду литературы был для наших писателей трудным, а для иных и тяжелым временем.

Приходилось навсегда кончить с дилетантизмом, приходилось делать еще более трудное — создавать в искусстве положительный тип.

И вот в 1936 году мы уже имеем ряд высокохудожественных и замечательных достижений в литературе и кинематографии. Я назову чрезвычайно зрелую художественно остроумную книгу Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка», прелестный прозрачный роман Валентина Катаева из детской жизни: «Белеет парус одинокий» и своеобразную, весьма новую по форме и яркую книгу огромной фантазии и острого наблюдения—роман Павленко «На Востоке». Я назову несколько фильмов, где десятая муза — кино — уверенной поступью входит в хоровод девяти муз. Это — «Депутат Балтики», «Последняя ночь», «Мы из Кронштадта», «Семеро смелых» и, наконец, уже законченный «Петр I».

Все это только начало советского искусства, его утренняя заря. Народ, создавший своими руками свое счастье, я уверен, создаст большое искусство — светлое и радостное, — как солнечный свет, как вся наша земля, отлично приспособленная для того, чтобы человечество построило на ней радостную и светлую жизнь.

Нет, не будем жить, как птицы небесные, увы, это невозможно. Будем жить, как мудрецы, по великому начертанному плану, прокладывая себе дорогу вперед к счастью».

ЛОНДОН, 17 марта. (ТАСС).

Близорукое руководство

(Письмо из Горького)

В той области, которая носит имя великого пролетарского писателя А. М. Горького, развитие местной литературной жизни заслуживает особого внимания.

Сам Алексей Максимович близко интересовался работой наших писателей, он лично привлек их к работе над книгами по «Истории Горьковского края».

Однако наш союз пока еще не оправдал звания «Горьковского союза советских писателей».

Руководители его тратят много энергии и времени на внешние, показные моменты, мало уделяя внимания творческим вопросам.

Руководство правления проявило и притупление политической бдительности: классовый враг проникал на страницы журнала «Натиск», в писательскую среду пролез политический хулиган А. Костин.

Бывший председатель правления ССП Л. Шмидт принес большой вред местной писательской организации своей бесхребетностью, аполитичностью, политической близорукостью и равнодушным отношением к порученному ему делу.

Под его покровительством процветали иждивенческие настроения, «ячество», групповщина. Пустые разговоры, встречи, банкеты и... никакого дела.

Несмотря на созданные для писателей прекрасные условия работы, горьковские писатели недопустимо медленными темпами работают над разрешением важной задачи — над выполнением обязательств о создании художественных произведений из истории Горьковского края. Работа эта растянута на ряд лет, все сроки по заключенным договорам нарушены.

В Горьком есть писательский актив, работающий над новыми книгами: Н. Кочин, В. Костылев, написавший исторический роман «Питирим», А. Патреев, выпустивший книгу рассказов, Г. Федоров, закончивший роман на материале автозавода им. Молотова, поэт Бирюков и др.

Но Горьковское отделение ССП не работает с писателями, не помогает им, не руководит ими. Канцелярщина и бюрократизм — вот характерные черты работы Горьковского отделения союза.

Характерно, что из 60 тысяч рублей в год, истраченных правлением ССП, почти ни копейки не было отпущено на творческие командировки писателей; большая часть средств ушла на административно-хозяйственные расходы.

До сих пор все еще не создано настоящей творческой среды. Нет дружной коллективной борьбы за качество литературы. Почти никогда не проводится ни литературных дискуссий, ни коллективных обсуждений вновь выходящих книг. До сих пор не организована учеба писателей. Нет заботы о молодых кадрах, с которыми можно и нужно работать.

Не думают ли руководители Горьковского отделения ССП, что пора наконец взяться за дело?

Н. О.

Юбилей драматурга Лебедева

Писательская общественность Москвы отмечает завтра 60-летний юбилей литературной деятельности одного из старейших советских писателей, заслуженного деятеля искусств Ивана Ивановича Лебедева.

Литературную свою деятельность И. И. Лебедев начал журналистской работой. Но уже в начале 80-х годов появилась первая книга его стихов. И. И. Лебедев — автор двадцати пьес из крестьянского быта («Голодные и сытые», «Суд справедливый», «Земля пробудилась» и др.).

Сейчас юбиляру 78 лет.

Секция драматургов союза советских писателей устраивает завтра специальный вечер, посвященный многолетнему творческому пути И. И. Лебедева.

Недавно закончившийся в Лондоне «Конгресс мира и дружбы с СССР» со всей очевидностью показал **быстрый рост дружеских отношений и глубокого интереса к жизни нашей страны, неуклонно ведущей политику мира.** На конгрессе выступили с интереснейшими речами полпред СССР в Великобритании тов. Майский и писатель Алексей Толстой. На снимке: тт. Майский и Алексей Толстой.

Письмо из Минска

Качество работы организации писателей определяется прежде всего творческой деятельностью ее членов. Творческая же деятельность определяется качеством и количеством написанных произведений.

Оценка деятельности союза советских писателей Белоруссии с этой, единственно правильной, точки зрения приводит к чрезвычайно тревожным показателям.

За весь 1936 год и два месяца 1937 года Государственное издательство Белоруссии выпустило всего лишь около 10 названий художественных произведений, из которых подавляющее большинство — переиздания; только один сборник произведений начинающих писателей, да две небольших повести появляются впервые.

На поэтическом фронте положение гораздо лучше — тут следует отметить замечательное письмо белорусского народа великому Сталину, изложенное в стихах группой белорусских поэтов, и 12 песен о Красной армии. Но с прозой положение из рук вон плохо.

В повседневных мелких делах (подчас и лишних, и ненужных) правление ССП Белоруссии упустило основное и главное—руководство творческой работой.

Почти год правление не имеет председателя. Заместитель же председателя т. Александрович не может обеспечить должного руководства союзом.

Пленум правления не собирался около года, а президиум созывается по мере накопления административно-организационных вопросов. Никто не припомнит случая, чтобы на заседании президиума обсуждались творческие отчеты писателей или общие творческие вопросы.

Даже такой сугубо важный, волнующий всю советскую общественность вопрос, как подготовка к 20-й годовщине Октября, затрагивался лишь мимоходом; правление ограничивалось кратким сообщением о том, кто и что делает.

Ряд писателей реально работает над новыми произведениями к великой годовщине (Я. Колас, Лыньков, Головач, Самуйленок, Чорный, Бровка, Кулешов).

Но правление ССПБ, занятое административной сутолокой, конкретной работой отдельных писателей не интересуется, помощи им не оказывает. Не интересуется оно и теми, кто ничего не делает, ничего не пишет. А, между тем, ему стоило бы заняться вопросом — почему много лет «ходят в писателях» Лимановский и Ильинский, не напечатав ни одной путной строчки?

Среди писателей Белоруссии есть люди, безответственно и легкомысленно относящиеся к своим обязательствам перед издательствами. Так, Я. Мавр обязался еще в 1935 году сдать Госиздату книгу для детей «Спартак». Книга до сих пор не сдана, не возвращен и полученный в издательстве весьма солидный аванс. Таким же образом поступил и К. Чорный и П. Глебко. Видимо, поэтому Госиздат без конца занимается переизданиями, готовясь, например, переиздать в третий раз первую книгу романа К. Крапивы «Медведичи», в то время, как автор крепко забыл о второй книге романа, которую давно обещает написать. Обещали Госиздату новые книги А. Александрович, З. Бядуля — но выполнят ли они свои обещания?.. Руководители Госиздата едва ли сами считают издательский план вполне реальным.

Оно и понятно. Госиздат плохо работает с авторами.

Тов. Лыньков написал в 1935 г. повесть для детей «Про смелого вояку Мишку и его товарищей». Она была напечатана в местной газете «Пионер Белоруссии» и была очень тепло встречена юными читателями. Между тем повесть свыше года лежит в издательстве. Почему? Да потому, что редактор т. Иванова узрела в ней глубочайшие политические ошибки.

Герой повести, медвежонок Мишка, свалившись однажды с дерева, приходит к выводу, что ему лучше ходить по земле, а летать — пусть летают мотыльки. И вот проницательная Иванова заключает, что такое решение медвежонка... отвратит наших детей от увлечения авиацией (!?). Это, к сожалению, не анекдот.

Добавим, что повесть Лынькова принята и будет напечатана в альманахе творчества народов СССР.

Не менее занимательная история происходит и с повестью т. Головача «Носители ненависти». Она напечатана в местном журнале «Полымя рэволюцыі», получила хорошую оценку прессы и читателей.

Несколько месяцев рукопись лежала в издательстве, ходила из рук в руки, ее хвалили, критиковали, и в конце концов автор забрал рукопись. Гослитиздат РСФСР, узнав об этой повести, заключил с автором договор и готовит сейчас издание ее на русском языке. Кроме того, она принята и альманахом творчества народов СССР.

Получается чрезвычайно странное и своеобразное явление: белорусский читатель будет читать произведения белорусских писателей сначала в переводе, а затем (может быть?) на своем родном языке.

Зам. директора Госиздата, он же главный редактор, т. Микульский, был очень удивлен, узнав об этих фактах. Но удивляться тут нечему. Любой писатель, не находя должного приема в своем издательстве, найдет его, если он этого действительно заслуживает, в издательстве братской республики.

Нужно сказать прямо, что в Госиздате БССР еще не умеют заботиться об авторских кадрах, о создании им благоприятных условий для работы. Редакторские кадры в издательстве слабы и малочисленны.

★

В заключение необходимо сказать несколько слов о газете «Літаратура і Мастацтва» (орган правления ССП и Управления по делам искусств при СНК БССР). Газета совершенно не удовлетворяет ни писателей, ни читателей. Ни одного серьезного творческого вопроса газета за последнее время не подняла.

Газета умудрилась ограничиться лишь двумя-тремя критическими заметками о произведениях белорусских писателей.

Газета старательно уклоняется от критики деятельности, вернее, бездеятельности, правления союза. Только раз она осмелилась заявить, что «правление ССП очень плохо руководило делом обеспечения материалом пятитомника «Две пятилетки» (передовица в номере от 27 октября 1936 г.).

И все! Больше — ни звука.

Зато в другой передовой газета заявляет: «Достижения в работе партгруппы КП(б)Б ССПБ действительно огромнейшие» (см. номер от 14 октября).

Редактора т. Гурского (он же секретарь парткома ССП) нисколько не смутило даже то, что перечисленные вслед за тем недостатки работы парторганизации и союза фактически опровергают утверждение о достижениях. В то время, как газета писала «о достижениях», в рядах союза безнаказанно подвизалась в течение длительного периода неразоблаченная группка врагов народа — троцкистов, нацдемов и прочих контрреволюционных прохвостов.

★

На-днях состоится пленум правления ССП Белоруссии.

Наряду с другими вопросами пленум будет обсуждать вопрос о подготовке к 20-й годовщине Октября.

Времени осталось немного. Но сделать можно еще очень многое. Нужно лишь желание работать, необходима развернутая большевистская самокритика, которой до сих пор совсем не было в организации союза писателей Белоруссии.

НЕ-ПИСАТЕЛЬ

Л. НИКУЛИН

Путешествие кинооператора

Осенью 1935 года, в здании торгового представительства, в Париже я встретил Бориса Цейтлина и Ешурина, двух мастеров нашей кинохроники.

Цейтлина мне случалось видеть не раз в качестве оператора-шефа на с'емках октябрьского и первомайского праздников. Он поспевал всюду, работал легко и стремительно, с оттенком какой-то элегантности. Создавалось впечатление, что для него не составляло труда поспевать за кавалерией, нацеливаться в небо, где проносились стаи самолетов, и сопровождать колонны демонстрантов.

В Париже у Цейтлина был тот же независимый и вместе с тем настороженный взгляд человека, который видит за двоих — за себя и свой киноаппарат.

Вместе с тем у наших соотечественников за границей не было и тени растерянности, которую порой замечаешь у человека, очутившегося в непривычных условиях в чужой стране. Цейтлин знал Запад, не раз бывал за границей. Ешурин приехал в Париж прямо из Арктики и никогда за границей не был. Однако и он выглядел, как человек, внимательно присматривающийся к окружающему, нисколько не потрясенный новой, непривычной обстановкой.

Два советских кинооператора со дня на день должны были оставить Париж и отправиться в страну, которая в то время привлекала внимание всего мира, в Абиссинию.

В небольшой комнате отеля «Министер» было нечто вроде склада дорожных вещей, приспособленных для путешествия в экваториальные страны, и стоило поглядеть на двух советских людей в Париже, чтобы быть уверенным в успехе их экспедиции. Тогда, в Париже, много говорили об опасностях путешествия, о ксенофобии, о ненависти к белым, которую можно считать естественной в стране, подвергнувшейся нападению со стороны европейцев-колонизаторов.

Пожалуй, нашим кинооператорам более угрожала опасность со стороны людей белой расы. Эта опасность впоследствии оказалась вполне реальной.

Прошло не мало дней со времени этой парижской встречи. Перед нами небольшая, написанная Б. Цейтлиным книжка — «Путешествие в Абиссинию».

Просто и обстоятельно Цейтлин рассказывает о стране, где ему пришлось снимать военные действия. Он сообщает читателю исторические, географические, этнографические данные о современной Абиссинии.

Вот типы жителей Абиссинии, от цивилизованного дипломатического чиновника (связанного с многочисленными иностранными военными корреспондентами) до носильщика, обслуживающего киноэкспедицию.

В отношении автора к народу, выросшему в условиях рабства, к абиссинскому народу, не чувствуется никакой надменности, присущей иным «просвещенным европейцам».

Дружески и тепло Цейтлин вспоминает людей, сопровождавших его и Ешурина в тяжелых переходах. Человечная и трогательная грусть проявляется в страницах, посвященных прощанию Цейтлина со своими спутниками-абиссинцами.

Верное, справедливое отношение к людям, отношение к событиям, вот, что отмечает читатель, перечитывая небольшую книжку путевых заметок советского кинооператора.

Цейтлин находит гневные, негодующие слова, когда описывает варварские действия фашистов, применявших отравляющие вещества (иприт) против беззащитного мирного населения, бомбардировавших госпитали Красного креста и незащищенные селения

С оттенком иронии, он описывает некоторых своих коллег — иностранных корреспондентов и кинооператоров, русских, осевших в Абиссинии, и, наконец, с интересом мы читаем о встречах советского оператора с негусом Тафари Хайле Селаси, императором Абиссинии.

Злоключения в пути, трудные переходы, бомбардировка с воздуха — все это описано Цейтлиным без подчеркивания, без нажима. Это придает заметкам Цейтлина особую ценность, в них чувствуется мужество советского человека, движимого чувством долга.

То, что порой не слишком ярко доходит из текста книги, дополняется интересными фотоснимками, кадрами из абиссинской хроники. Эти кадры, вызывающие негодование всех честных людей, — документы варварства и гнусности итальянского фашизма.

Обожженные ипритом, тяжело раненные старики, женщины, дети запечатлены киноаппаратом Цейтлина и Ешурина, и они будут грозным обвинительным актом фашизму.

Совсем недавно в Шанхае банда фашистского хулиганья разгромила кинематограф, где показывалась абиссинская кинохроника советских кинооператоров. Против такого обвинительного акта итальянские фашисты сумели выступить только с дубинами и кастетами.

Но немало людей видели абиссинскую кинохронику и точно разобрались в том, что такое фашизм.

В этом заслуга наших советских кинооператоров.

Небольшая книжка Цейтлина приносит нашему читателю двойную пользу — она дает ему представление о далекой стране, которая сделалась добычей захватчиков, и отчасти об'ясняет причины поражения Абиссинии.

В этом ценность «Путешествия в Абиссинию» кинооператора Б. Цейтлина.

Б. Цейтлин. «Путешествие в Абиссинию». Изд. «Молодая гвардия», 1937 г. 154 стр. Ц. 2 р. 50 к., пер. 75 к. Тир. 10.000 экз. Ред. Я. Ипполитов.

За рубежом

Общество друзей Эмиля Золя в Париже решило ознаменовать в текущем году 50-ю годовщину появления в свет романа «Земля». В 1887 г. этот роман был большим литературным событием, вызвавшим широкую полемику. С момента появления «Крестьян» Бальзака (на 50 лет раньше) «Земля» была первым крупным произведением, посвященным французскому крестьянству.

Во Франции основана академия имени Малларме, в которую вошли 15 поэтов — Эдуард Дюжарден, Поль Валери, Морис Метерлинк и др. Академия будет ежегодно выдавать премию исключительно для поощрения молодых поэтов.

В Париже вышли книги Люка Дюртена «Земля подмышкой» и Шарля Вильдрака — «Новая Россия». Оба автора были в СССР и с энтузиазмом описывают свои впечатления.

Дюртен пишет о трех главнейших явлениях: уничтожении эксплоатации человека человеком, создании новой морали и нового героизма и разрешении проблемы национальностей.

— Всякий побывавший в СССР, — говорит Ш. Вильдрак, — скажет, что он прошел курс лечения молодостью, разумом, великодушием и избавился от мелких расчетцев и делишек.

Александр ГАТОВ

Испанская фронтовая

(Песня из фильма «События в Испании»)

Злые вороны Варела
Налетели на Мадрид.
Бьемся с бандой озверелой,
Сердце каждое горит.

Мы идем, беря свободу с бою,
Хлеб и порох поровну деля.
Скоро, скоро станет молодою
Наша старая испанская земля.

Бомбы, землю выбивая,
Оглушительно ревут.
Но все звонче боевая
Наша песня «Не пройдут».

Мы идем, беря свободу с бою,
Хлеб и порох поровну деля.
Скоро, скоро станет молодою
Наша старая испанская земля.

Хороши пилоты наши,
Наши роты — ураган.
Впереди идет бесстрашный
Знаменитый наш Галан.

Мы идем, беря свободу с бою,
Хлеб и порох поровну деля.
Скоро, скоро станет молодою
Наша старая испанская земля.

С Буитраго до Аранды,
Из Аранды на Бургос!
Палачей-фашистов банды
Скоро пустим под откос!

Мы идем, беря свободу с бою,
Хлеб и порох поровну деля.
Скоро, скоро станет молодою
Наша старая испанская земля.

Декада карельского искусства

Поэты, певцы и танцоры Карелии в Доме писателя

ЛЕНИНГРАД. **(Наш корр.).** Заканчивается декада карельского искусства в Ленинграде. Замечательные сокровища народного творчества — песни, музыка, танцы карельского народа — были продемонстрированы в эти дни в ленинградских клубах и концертных залах.

С восторгом аплодировали ленинградцы национальным хорам рабочих и колхозников, с огромным под'емом исполнявшим прекрасную «Песню о Сталине». Эта песня написана народным поэтом Ялмари Виртаненом, и нет уголка в Карелии, где бы не распевали ее.

Вечер карельского искусства состоялся 14 марта в Доме писателя им. Маяковского.

Участников вечера — поэтов, певцов и танцоров Карелии — по поручению Ленсоюза писателей приветствовал Николай Тихонов.

Я. Виртанен прочитал ряд своих стихов, а русские переводы стихов т. Виртанена читали ленинградские поэты: Эрлих, Гитович, Фроман, Попова, Лихарев. В литературной части приняли участие и карельские писатели Паррас и Ивашев.

Затем писатели уступили эстраду народному эпосу. Былину о Чапаеве рассказал колхозник Петр Рябинин — представитель известной в Карелии семьи сказителей былин; со слов прадеда Рябинина в 1861 г. записывал былины известный собиратель фольклора Марков. Былина о Чапаеве была сложена П. Рябининым под впечатлением фильма бр. Васильевых. 77-летняя Мария Ремсу и 73-летняя Мавра Хотеева уселись друг против друга, взялись за руки и, раскачиваясь, пропели руну о сватовстве Вейнемейнена.

После концерта в Доме писателя состоялся прием в честь участников декады карельского искусства — гостей писательского клуба.

На вечере присутствовал знаменитый ледовый капитан, орденоносец-челюскинец Воронин — уроженец и энтузиаст Карелии.

Б. Р.

Вера ЖАКОВА

Карьера художника

(Отрывок из повести «Школа Ступина»)

Саратовский помещик и кавалер Павел Гладков молодость провел в Париже. Оттуда вывез отличную библиотеку, собрание картин и потомка древнего рода Демер Ассандэ, занимавшего в доме положение нето гувернера, нето приживальщика. В свободное время француз что-то рисовал, но большей частью околачивался в девичьей.

Павел Гладков ненавидел мужиков за невежество, императора — за несправедливое распределение наград в кампанию 1812 года, Россию — за отсутствие в оной изящных вкусов. Надушенный, одетый с небрежной элегантностью, прогуливался он по утрам в парке с томиком Вольтера и, заметив неровно подстриженный газон, нежно шептал:

— Садовника... в павильоне... выпороть.

И жаловался Ассандэ:

— Могут ли российские медведи иметь вкус к прекрасному!

Вход в чистые комнаты был запрещен «вшивому». Но в минуты, когда барина не было дома, а прислуга сплетничала в людской, мальчик пробирался в картинную и как зачарованный рассматривал полотна Ван-Дейка и Рюисдаля, Рембрандта и Гейнсборо. Однажды у натюрморта неизвестного мастера, где среди хрустальных бокалов и тяжелых серебряных чаш лежала ленивая, зеленоглазая кошка, Григория застал барин. Больно ущипнув за ухо, милостиво и томно спросил:

— Что ты делаешь, вшивый?

Мальчик со страху ляпнул:

— Могу лучше выписать.

Отяжелев от презрительного смеха, Гладков за ухо провел Григория к Ассандэ:

— Мужик желает писать натюрморт...

Ассандэ просматривал газеты. Голубую круглую комнату наполняли разноцветные тени старинных витражей. Гужоновские грации протягивали руки к потолку, где на плафоне плакала Прозерпина. Француз улыбнулся. Лукаво посоветовал:

— У многих дворян имеются собственные театры. Вы можете иметь собственного Леонардо.

Мысль эта восхитила Гладкова. Деревенский поп начал учить Григория грамоте, Ассандэ—рисованию. «Вшивый» поразил француза талантливостью и вниманием. Показывая кавалеру его рисунки, Демер ворчал:

— Я знаю, что Ватто в молодости пьянствовал. Этот мальчик даже в детстве рисует.

Григорию неожиданно открылся запретный мир светлых комнат, где на обоях приседали китайские принцессы и грации разбрасывали цветы. Где зеркала в резных, золоченых рамах отражали статуэтки Мейсонье и муранское стекло. Спал попрежнему в передней, на засаленном, пахнувшем клопами и потом канапэ. После уроков лакеи заставляли его выносить барские горшки и подметать двор.

«Вшивый» жил в плену надменных улыбок женщин, одетых в струящийся шелк и негнувшуюся парчу. Он жил тишиной голландских пейзажей и ослепительным солнцем Рембрандта. А самому хотелось нарисовать молодую озимь и легкие просторы весенних полей.

В 1824 г. Павел Гладков, проверив отчеты бурмистра, с ужасом понял, что дедовское состояние почти целиком поглотили драгоценные безделушки, картины и книги. Зеркало отразило отекшее, обвисшее лицо. Вздохнул. Прошелся по комнатам. Сел у мадонны Вероккио и, сжав кулаки, погрозил полотнам:

— Погубители мои... Ироды.

Служить. Служить, пока не поздно. В Петербурге и Москве связи. Не вернешь молодость. Но кто в молодости не проказит.

Картины и книги за бесценок распродали соседям. Ассандэ пристроился куда-то гувернером. Григория сослали в переднюю. Осенью барский возок и обозы, нагруженные живностью, тронулись в Москву.

Проездом через Арзамас, где скрещивались казанский, московский и петербургский тракты, Гладков узнал, что иконописец Ступин содержит школу живописи. Григорий, после длинного наставления, был помещен туда. Кавалер, прощаясь с иконописцем, конфузливо признался:

— В молодости к живописи имел я большую склонность. Дорогое искусство, доложу вам.

И еще раз:

— Присматривайте за вшивым, учил его рисованию француз мой. А у французов, знаете, кругом обман.

После передней — комната с серозелеными обоями, письменный стол, мольберт, на окнах занавеси цвета морской воды, с узором из белых роз, оживленных кроваво-красными полосками (занавески академик Ступин за гроши купил из имения Салтыкова). Вместо окрика «вшивый» человечное имя — Григорий.

Забыл о вонючем канапэ, окунулся в жизнь, которую на два-три года давала крепостным малярам ступинская школа. Будущего не было. Иллюзия, ощущение краткости сегодняшнего дня, но это лучше, чем засаленное канапэ.

Его картины поражали Ступина звонкой яркостью красок и юношеским задором. Григорий Мясников выделялся из учеников арзамасского академика. Он умел яркой, ласковой шуткой вызвать улыбку на лицах юношей, для которых каждая прочитанная книга, каждый удачный рисунок были страшным предвестием к рабству. Он умел говорить с учителем просто, без льстивого унижения. Он умел и любил читать книги. Однажды ночью товарищ Мясникова по комнате, крепостной нижегородского помещика Бабанова, Василий Егоров осторожно спросил его:

— Барин у тебя, видать, хороший.

Григорий убежденно ответил:

— От крепостного состояния, кое унижает достоинство человека, — избавлюсь. Потому и смеюсь. А так не жить мне.

Василий тихо свистнул:

— Не бывать холопу в попах.

В 1826 г. Григорий, которому доходил двадцатый год, написал портрет дочери Ступина. Улыбающаяся девушка сидела за клавесинами. На руки и клавиши причудливыми пятнами, сквозь переплет окна, падало солнце. Казалось, что не клавиши — радостно и победно поют солнечные лучи.

Ступин, пораженный юношеской радостью полотна, испуганно перекрестился. Подумал:

— Долго ли до греха. За Настасью дворяне сватаются.

Вечером, выпроводив учеников в церковь, тщательно перерыл вещи Мясникова. Откуда у него книги? «Кавказский пленник», сочинения Пушкина, «История Государства Российского» и наконец французская — «Памфлеты» сочинения Вольтера.

Тяжело опустившись на стул, академик вытер выступивший пот.

— Бунт... Разорение.

Двумя пальцами взял желтую книжку, запер в стол и тщательно вымыл руки. Утром позвал Григория в кабинет. Плачуще прошептал:

— Погубишь меня... За доброту погубишь.

И внезапно рассвирепев, тоненьким от ярости голосом крикнул:

— Сказывай, где еретические книги достал, мерзавец?

Григорий смущенно теребил вышитый платок. Вздрагивали опущенные уголки губ. Выступили старческие неуловимые морщинки. Тревожно расширились зрачки.

— Я, Александр Васильевич, вам не мерзавец. А касательно Вольтера, взял я оное сочинение из библиотеки господина моего.

Солнечный луч упал на стол, за которым сидел академик. Печально вспыхнула бронзовая чернильница в виде урны. И от этого потеплела фарфоровая бирюзовая табакерка, листы кремовой, шершавой бумаги стали похожи на кусочки тяжелого шелка.

Академик вытер лысину. Предупредил:

— Чтобы богомерзких книг я более не видел. Ты — крепостной и свое состояние должен помнить.

В 1827 г., ожидая приезда членов «Общества поощрения художеств», Ступин дал ученикам тему самостоятельной работы.

Блажен, иже и скоты милует.

Григорий сделал наброски полотна, поразившего академика необычайным замыслом. Изображало оно испуганное, сбившееся стадо. Заеденная волком собака, застыла в предсмертной судороге. Пастух, наклонившись над израненным волком, перевязывал ему лапу. Светились волчьи глаза — удивленные, злые и в то же время неожиданно покорные.

Среди учеников по рукам ходил другой рисунок Мясникова. Генерал, похожий на императора, подавал мешок золота оборванному пропойце, подозрительно похожему на Гладкова. В окне комнаты виднелся заколоченный барский дом и сад с разбитыми статуями.

Рисунок попал к Ступину. Академик сжег его, а Григорию осторожно намекнул:

— Вольтеровские бредни позабыть не можешь.

Петербургские гости долго стояли перед полотном Григория. После вызвал его С. А. Протасов, дальний родственник Жуковского.

— Сколько лет? Откуда родом?

Григорий смутился:

— Лет мне... скоро двадцать два. А родом... крепостной я.

Протасов вытер глаза платком:

— Учиться тебе надобно...

«Общество поощрения художеств» послало Гладкову почтительное письмо, уведомляющее, что

«среди крепостных Ваших Григорий Мясников, обучающийся в Арзамасской школе академика Ступина, обладает редким талантом к живописи».

Просило Общество «ради процветания отечественного искусства» отпустить Мясникова на волю и предлагало за него выкуп 2000 рублей.

Гладков, вспомнив старину, почтительно и галантно ответил, что строит он в Москве новый дом, расписывать который должен будет «оный Мясников». От выкупа отказался, обиженно сообщив, что «милосердия ради» недавно «дал вольную престарелому лакею батюшки своего».

Весной 1828 г., проездом через Арзамас, Гладков приказал Григорию явиться к себе. Опаловые сумерки наполняли крохотный трактирный номер. За окном золотились церковные купола. Кавалер закусывал. В граненом графине переливалась рябиновка. На голубом блюде лежали коричневые корочки уничтоженного пирога. Вытирая мясистые пальцы о скатерть, барин, икая, спрашивал стоявшего в дверях юношу:

— На волю хочешь? Об'ел господина, да хвост трубой. Что уставился, как гусь на зарево?

Стал наливать вино, уронил графин. На желтой скатерти поползли багровые пятна. Мясников напряженно рассматривал горячие очертания. Вот сердце, вот паук, вот профиль араба, и над ними острые, холодные грани стекла.

— Картины у меня были, будет теперь художник. Осенью собирайся в Москву новый дом расписывать.

С этого дня Григорий изменился. Молодость — это когда о людях думают лучше, чем они есть. Мир постарел. И лучшим символом будущего стала ласка старого ступинского пса Люльки. Юноша грубил академику, уничтожал сделанные рисунки.

Ступин, вздыхая, прочел нотацию, закончив ее словами:

— В юности главное — послушание.

У Григория бессильно опустились руки.

— Будь проклята юность моя.

Решение созрело внезапно. Смерть. Коротенькое спокойное слово. Вернуться в переднюю, на засаленное канапэ, — нет сил. Бежать — от завтрашнего дня — сбежишь. Вспомнились просторные комнаты и полотна старинных мастеров. Безмятежные улыбки мадонны Вероккио, надменные дамы Гейнсборо, золотой Рембрандт — они обманули его. Они радовались, они надеялись, верили, любили. А ему надо расписывать новый дом и молчать.

Летом в гости к Ступину приехал его приятель, московский мещанин Бебин. Привез ученикам книги: «Благочестивые рассуждения в воскресный день», «Беседа отца с детьми» и специально для Мясникова — «Опровержения на заблуждения Вольтера» аббата Найтэ.

У Рафаила Григорий выпросил пистолет — воробьев стрелять; Рафаил сначала замялся: «а впрочем тебе виднее», и холодная сталь обожгла пальцы. Со Ступиным стал почтителен, начал писать его портрет. Вечерами выходил в сад и, охваченный непонятной грустью, гладил мокрые ветви яблонь. Казалось, что их шелест — это язык страны, куда он шел.

Горячим июньским днем академик пригласил Мясникова в комнаты. В синих вызолоченных изнутри чашках переливался оранжевый, горячий чай. На белом блюдце лежал розовый хлеб, в голубом молочнике истомно таяли кремовые пенки.

Бебин, вытирая красное потное лицо, негромко рассказывал:

— У князя Карганова крепостной живописец был. Князь его выпорет, а он в ноги — «прости». Князь улыбнется, ручку поцеловать даст. И что же, смирением так угодить сумел, что получил вольную. Теперь в Москве мастерскую вывесок содержит.

Ступин, поглаживая скатерть, одобрительно кивал головой:

— Живопись — искусство, богом предназначенное для угождения.

После чая и наставлений Григорий ушел во флигель. Жаркий ветер колебал занавески, и розы на них казались живыми. На столе холодно и безучастно вспыхивал медный подсвечник.

Григорий достал приготовленное письмо. Переписал и неожиданно разорвал на клочки. Быть откровенным — это унижение. Это молодость, которой в мире нет.

Торопливо он набросал записку:

«Простите, любезные друзья мои, не порицайте меня за мой поступок. Я показываю вам пример, как должно поступать против надменности честолюбивых. Милый друг, Василий Егорович, напиши на гробнице, что я умер за свободу. Простите».

Послеобеденный сон арзамасских улиц оборвал глухой выстрел. Во флигеле толпился народ. Ветер приподнял занавеску, и солнечный, ослепительный луч упал на молодое, строгое лицо.

Александр Васильевич прочитал записку. Взглянул на притихших учеников и затопал ногами:

— ... Всех перепорю!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

20—24 марта

1887 год. Умер П. В. Анненков

20 марта 1887 г. умер П. В. Анненков. До сих пор «Воспоминания» Анненкова остаются одним из наиболее об'ективных и полных документов, рисующих сороковые годы.

Воспоминания Анненкова представляют особый интерес потому, что он уделяет в них значительное место не только русской литературе, но и своим многочисленным заграничным встречам и впечатлениям.

В частности, в его воспоминаниях имеется представляющий большой интерес рассказ о встрече и знакомстве с Марксом. Письмо Маркса к Анненкову о «Философии нищеты» Прудона впоследствии получило широкую известность.

Несмотря на знакомство и переписку с Марксом, несмотря на дружбу с лучшими литературными деятелями сороковых годов, сам Анненков оставался в стороне от идейных течений и событий того времени. Его вполне заслуженно называли «туристом-эстетиком». К. Анненкову в первую очередь относятся следующие слова Лаврова: «Они об'езжают весь мир, заглядывают во все классы общества, знакомятся с биржевиками и с пролетариями, с ученым мыслителем и с завсегдатаем модного кафе на парижских бульварах, с секретарем Наполеона III и с сподвижником Гарибальди, и из всего этого изучения, из всех этих знакомств выходят довольные, веселые, розовые, без малейшей морщины на лице, без малейшей заботы в сердце, без лишнего вопроса в голове».

И действительно, не будь мемуары Анненкова насыщены огромным фактическим материалом, можно было бы порой подумать, что они написаны не современником описываемой эпохи.

Большая заслуга Анненкова в том, что он положил начало научному изучению Пушкина. И составленная им биография Пушкина и подготовленное издание его сочинений были в 50-х годах прошлого века событием большого значения. Далеко не все собранные материалы могли быть опубликованы в те годы, и часть из них Анненков опубликовал лишь спустя еще 20 лет.

1880 год. Первый рассказ Чехова

9/21 марта 1880 г. в «художественно-юмористическом» журнале «Стрекоза» напечатан первый рассказ Чехова. Рассказ называется:

АРХИВ «СТРЕКОЗЫ»

Письмо донского помещика Степана Владимировича N к ученому соседу д-ру Фридриху.

Подпись под рассказом: ...въ

При самом снисходительном отношении к юмору «Стрекозы» нельзя признать, что Чехов начал свою литературную карьеру в достойном окружении. Вот образец «юмористических» стихов из этого же номера:

О прошедшем ты мечтала,
Я о будущем мечтал;
Ты в деревню уезжала,
Я в столицу уезжал!
И сидела ты печально,
К моему склонясь плечу...
Впрочем это так печально,
Что я лучше замолчу!

Сам Чехов считал однако настоящим днем своего литературного рождения значительно более позднюю дату, а именно 26 марта 1886 г., — день, когда он получил письмо от Григоровича. В этом письме Григорович укорял его за то, что он размещает талант на мелочи, и уговаривал написать «несколько превосходных, истинно художественных произведений».

1872 год. Родилась Карин Михаэлис

20 марта родилась Карин Михаэлис — известная датская писательница. В большинстве своих произведений Михаэлис показывает тяжелое, приниженное положение женщины в буржуазном обществе и в семье. Романы и повести Михаэлис пользуются известностью во всем мире.

Наиболее популярное ее произведение — роман «Опасный возраст». На русском языке собрание сочинений Михаэлис выходило дважды. Кроме того несколько романов вышли отдельными изданиями.

После войны К. Михаэлис сблизилась с революционными кругами. Это сказалось и на ее творчестве — в углубленной постановке социальных проблем.

В 1934 году Карин Михаэлис была в Советском Союзе. Она совершила продолжительную поездку по Союзу. Ряд ее очерков об Артеке, о Болшевской коммуне и др. были напечатаны в советских газетах.

Мысли и афоризмы о любви*

Любовь в буржуазных странах

«Женщина влюбляется, захваченная слепой силой, не считаясь ни с чем, не имея ни единой отговорки, ни одной оглядки ни назад, ни вперед (!). Женщина, растворяя свою личность в любви, требует, чтобы и мужчина отныне освещал, озарял все интересы главным образом к ней — любимой. А мужчина, покоренный мягкой, нежной податливостью женщины, любит ее, не теряя себя, а укрепляя свой внутренний мир ласковой побежденностью возлюбленной, наполняя свою гордость тихим ликованием — овладением красивой, одному ему доступной женщиной».

«Влюбленные никак не могли забыть те общественные отношения, среди которых они жили, как бы они ни безумствовали, ни упивались любовной страстью».

«Анна Каренина не обрела тверди личности (!) в любви, оторванной от труда».

(**Примечание.** Небезынтересно было бы получить у В. Новинского раз'яснение также по поводу того, как квалифицировать любовь мадам Бовари, Джульеты, Дездемоны, — женщин, как известно, не занимавшихся полезным трудом Обрели они «твердь личности»?).

Любовь в СССР

«Женщины требуют полноценной любви. Они, экономически, морально, интеллектуально самостоятельные, ищут чувства, которое действительно можно было бы назвать индивидуальной страстью».

«Женщину оскорбит любовь-шалость, любовь—забота о прокормлении. Новые идеалы любви сложились у советской женщины. Представим на минуту, что воскресли Онегин, Печорин, Рудин... Какое впечатление произведут эти герои «науки страсти нежной» на советскую молодежь, на стахановок?».

(**Примечание.** Как-жаль, что уважаемый автор не продолжил своего высокоценного исследования и не раскрыл нам, как отнеслись бы стахановки к Гамлету, Ромео и самому Тристану, появись они сегодня на улицах Москвы).

«Любовь, как индивидуальная страсть, только и может расцвести у полноценных личностей». «Любовь окрыляется трудом, а творческий труд питается красотой, наслаждением любви». «Отношения мужчины и женщины перевернулись; не только мужчина отыскивает себе подругу, но и женщина выбирает себе друга». «Измене, как тайной любви, не остается места. И женщина и мужчина могут открыто расходиться и сходиться. Ошибок выбора, вызываемых безумной страстью, становится все меньше».

(**Примечание.** Как видим, В. Новинский блестяще разрешил сложные вопросы, всегда волновавшие человечество).

Много еще открытий делает в своей статье В. Новинский.

Подобные писания давно уже высмеял Чехов в шуточном рассказе «Тысяча одна страсть, или страшная ночь».

Правда, не в форме столь отвлеченных рассуждений, как у В. Новинского. В этом рассказе мы находим «любовные афоризмы», весьма напоминающие «афоризмы» В. Новинского. Например: «грудь мужчины — крепость женщины».

Редакция «Октября» должна была хоть на мгновение задуматься над многочисленными «любовными афоризмами» В. Новинского.

ОТТО.

* **В. Новинский, «Человек перестраивает себя».** Статья, журн. «Октябрь», 1936 г., № 12.

В ответ на свое письмо Ромэн Роллану отличница учебы 3-го класса Симферопольской школы № 23 Наташа Воинова получила в подарок от знаменитого писателя книгу сказок с надписью на французском языке «Для моего маленького друга Наташи Воиновой, Ромэн Роллан». На снимке: Наташа Воинова (в центре) показывает книгу своим школьным товарищам. Фото Э. Бендицкого (Союзфото).

Мариэтта ШАГИНЯН

Об одном спектакле

«Бабьи сплетни» в Московском Центральном ТРАМ'е

В небольшом театре на Малой Дмитровке молодежь московского ТРАМ'а играет пьесу Гольдони «Бабьи сплетни». Играет с успехом, при переполненном зале. И невольно рождается вопрос: в чем же секрет этого успеха?

Причина его частично кроется в отношении зрителя, и не столько к спектаклю и играющему актеру, сколько к самому театру в лице его коллектива. Кто был раз, приходит еще, становится другом театра; кто разговорился с актерами, сдружается с ними; тянет помочь, принять участие, рассказать о театре другим. Недаром покойный Серго Орджоникидзе, побывав на спектакле ТРАМ'а, обещал выстроить актерам общежитие и помочь им.

В ТРАМ'е особый актерский состав: ТРАМ может сказать о себе с гордостью: «Среди нас 85 проц. партийцев и комсомольцев, мы пришли из рабочих клубов, присланы комсомолом, выдвинуты с производства. Среди нас есть шахтеры, пограничники, слесаря, ткачихи из Орехова-Зуева. В первой роли нашего сегодняшнего спектакля — бывшая штукатурщица». В беседе с актерами вы не чувствуете душка законченного, замкнутого профессионализма, невольно ограничивающего тему разговора; вас тянет сказать актерам «ребята», вы безошибочно угадываете, что один вот сейчас пришел с собрания комсомола, другой — из кружка, где он изучал сталинскую Конституцию или занимался с сочувствующими. Единство товарищеской среды, естественность общественных интересов заражают и притягивают вас. Это — одно.

Другая причина успеха «Бабьих сплетен» вытекает, быть может, из первой, но так как это может оказаться непонятным, не лишнее подробнее проанализировать спектакль.

Комедия Гольдони, на первый взгляд, веселый и непритязательный пустячок. Молодой человек собирается жениться на девушке, обойдя другую, которой он нравился. Городские кумушки в отместку пускают сплетню, что его невеста — незаконнорожденная. Свадьба чуть не расстраивается. Тогда в Венецию приезжает богатый купец, настоящий отец девушки, и после всяких недоразумений молодые благополучно венчаются. Но в этом пустячке есть золотое дно: очень широкий социальный разрез венецианского общества. Венеция чердаков и мансард, где живут и работают прачки, уличные торговки, мальчишки, портнихи; Венеция среднего сословия, где появляются и резонерствуют средние классы: управляющий чужим поместьем, его сын, его приятель, приемная дочь этого приятеля, заморский купец; и наконец Венеция высшего сословия, которое движется и действует уже совершенно условно: две знатные дамы, разыгрывающие своего смешного, старого, знатного поклонника.

Может быть, в других постановках это соотношение меняется: весело, ярко, жизненно разыгрываются именно сценки со знатными венецианцами и их любовно-шутовской игрой, а условно все остальное. Но в спектакле московского ТРАМ'а эти сценки — лишь часть декоративного обрамления спектакля, а все живое, естественное и ведущее в спектакле сосредоточено на социальных низах. Гольдони эти низы отнюдь не идеализирует. Главное действие пьесы — распространение сплетни — начинают прачки, подхватывает портниха, и клубок лишь под конец докатывается до знатных дам. ТРАМ не идеализирует венецианскую «трудовую среду». Две изумительные прачки (одну из них первоклассно играет Рюмина) не только сплетницы, но и драчуньи, склочницы, они насмехаются над мусульманином-носильщиком, сваливают вину друг на друга, привирают. Портниха лебезит перед заказчиками и презирает нижестоящих. Слуга остерии (Соколов) — незабываемый тип нахала и обжоры.

Но почему нельзя оторвать глаз от этих людей, почему живая, заразительная симпатия к ним охватывает весь зрительный зал, почему, повидав спектакль, невозможно его забыть, — минутный выход Соколова, двухминутную обалделую пляску на крыше мальчишки (Козловой), интонацию Рюминой («терпеть не могу сплетен»), игру Нарышкиной мы прочно уносим в памяти? Потому, что перед вами — настоящие, живые люди, сообща создающие на сцене настоящую, живую среду.

Актеры ТРАМ'а принесли с собой опыт и пластику рабочего человека, знание его житейской интонации. Не школа, не наигранный жест, не усвоенное умение через режиссерски об'ясненный и раскрытый образ привлекают вас в игре трамовского коллектива, а бессознательно расточаемое богатство своего социального опыта, который и одухотворяет и делает блестяще точным, предельно-доходчивым живое толкование образа, знакомого актеру, и понятного не через книгу и школу, а через жизнь. Среди трамовцев есть несколько подлинно талантливых людей, игра всего коллектива свежа и весела.

Смотришь на сцену и думаешь: новый зритель требует нового актера, и такой уже есть. Замечательно, что он дает себя почувствовать даже через драматургию Гольдони!

К юбилею Герцена

К 125-летию со дня рождения А. И. Герцена Гослитиздат выпускает отдельной брошюрой знаменитую статью В. И. Ленина «Памяти Герцена».

Брошюра выходит «молнией» в стотысячном тираже.

Маленький фельетон

СРОКИ

Пародия на Б. Пастернака

Народ, как дом без кром...
. . . .
Ты без него ничто.
Он, как свое изделье,
Кладет под долото
Твои мечты и цели.

(Б. ПАСТЕРНАК. Из летних записок).

На даче ночь. В трюмо
Сквозь дождь играют Брамса.
Я весь навзрыд промок.
Сожмусь в комок. Не сдамся.

На даче дождь. Разбой
Стихий, свистков и выжиг.
Эпоха, я тобой,
Как прачкой, буду выжат.

Ты душу мне потом
Надавишь, как пипетку.
Расширишь долотом
Мою грудную клетку.

Когда ремонт груди
Закончится в опросах,
Не стану разводить
Турусы на колесах.

Скажу, как на духу,
К тугому уху свесясь,
Что к внятному стиху
Приду лет через десять.

Не буду бить в набат,
Не поглядевши в святцы.
Куда ведет судьба,
Пойму лет через двадцать.

И, под конец, узнав,
Что я уже не в шорах,
Я сдамся тем, кто прав,
Лет, видно, через сорок.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Необходимая реплика

В сегодняшнем номере «Литературной газеты» помещено сообщение отв. секретаря ССП т. Ставского, в котором он, между прочим, упоминая о книге П Петрова-Бирюка «Казаки», одобренной С. М. Буденным в специальном письме, говорит: «непонятно, почему «Литературная газета» не напечатала это письмо».

Редакция считает необходимым напомнить т. Ставскому, что отзыв о книге «Казаки» был помещен на страницах «Литературной газеты» еще 26-го января 1936 г. Оценка книги нашей газетой совпадала с мнением, высказанным С. М. Буденным. Об этом мы информировали С. М. Буденного тотчас по получении его письма, адресованного нескольким редакциям.

Редакция «Л. Г.»

Годовщина Театра народного творчества

18 марта исполнилась годовщина существования в Москве первого в Советском Союзе Театра народного творчества. Открытие театра в свое время вызвало чрезвычайно теплое отношение со стороны всей советской общественности.

За истекший год театр показал 26 програм, в которых приняло участие свыше 20 тысяч человек — работников художественной самодеятельности, представляющих собою 40 национальностей 11 республик Советского Союза.

Помимо 26 своих програм, Театр народного творчества провел за истекший год показ художественной самодеятельности 23 районов города Москвы.

Сейчас театром заказаны ряду драматургов произведения различных жанров (пьесы, оперы), рассчитанные специально на исполнение их силами самодеятельных кружков.

Одновременно театр приступил к подготовке нескольких програм к 20-летию Великой Пролетарской революции, в которых будут отображены достижения народного творчества нашей социалистической родины.

Для своей годовщины театр подготовил специальную программу под названием «Парад талантов», в которой были показаны лучшие номера из предыдущих 26 програм в исполнении коллективов и отдельных кружковцев.

Постановщики программы — С. П. Алексеев, Н. Г. Фрид и А. З. Богатырев.

Годовщина Театра народного творчества должна помочь тщательной проверке методов работы за год и ликвидации тех недостатков, которые в значительной мере тормозят дальнейший творческий рост этого важного во всех отношениях театра.

М. Б.

Декада удмуртского искусства в Ижевске

Великая Пролетарская революция возродила к жизни угнетенный при царизме удмуртский народ. Неузнаваема стала жизнь удмуртов: с каждым днем растет их благосостояние; веселая, радостная жизнь как нельзя лучше способствует развитию всех видов народного творчества.

14 марта 1937 г. 2-й Чрезвычайный с'езд советов Удмуртии торжественно принял Конституцию своей республики.

Этот день был подлинным народным праздником.

К с'езду советов была приурочена декада удмуртского искусства в Ижевске.

★

Ижевский государственный театр, существующий уже шестой год, показал две постановки: историческую пьесу известного удмуртского писателя Гаврилова — «Холодный ключ» и пьесу Петрова — «Иго содрогается».

Действие пьесы «Иго содрогается» переносит нас в глухие, мрачные времена самодержавия, рассказывая о знаменитом мултанском деле, состряпанном царским правительством, которое обвинило крестьян села Старый Мултан в совершении ритуального убийства нищего с целью жертвоприношения. Мужественная защита обвиненных В. Короленко разоблачила гнусную стряпню властей.

В последнем действии пьесы — период революции 1905 года, когда революционная волна докатилась и до отдаленной Удмуртии. Крестьяне читают прокламации, отказываются платить штрафы и громят помещичьи имения.

Жаль, что на декаде не были представлены такие виды народного творчества, как былины, сказки.

ССП Удмуртии не сумел подготовить показ этого вида словесного творчества, которым так богата республика.

Писатели выступили перед с'ездом с коллективной поэмой, посвященной с'езду, обсуждавшему и принявшему Конституцию. В поэме встает вся история удмуртского народа, его тяжелое прошлое и радостное настоящее.

В. ВОЛКОВА

Письма в редакцию

ХРОНОЛОГИЯ Н. ШПАНОВА

Знаменитый французский ученый, механик и физик Дени Папен родился в **1647 году** и умер в **1714 году.**

Нот вот Детиздат выпустил книжечку Николая Шпанова «История одного великого неудачника» — рассказ об ученом для детей старшего возраста. Действие в книжечке начинается в 1669 году, т. е., когда Папену было 22 года и он был еще студентом.

Перелистав странички книжки до конца, мы прочли на предпоследней из них, что тот же Папен, великий неудачник, умер в Лондоне в... **1812 году,** о чем якобы свидетельствует полицейский акт лондонской королевской полиции. Таким образом, если судить по книжке Н. Шпанова, Дени Папен прожил **165 лет!** Случай невероятный, понятный только его автору, да еще редактору А. Абрамову.

В той же книжке приведена иллюстрация к разговору Дени Папена с кардиналом.

На картинке кардинал нарисован в берете, с усиками и остроконечной, маленькой бородкой, — что твой рыцарь.

Но кому, кроме издателей книжки, не известно, что кардиналы, как и все католическое духовенство, не носят растительности на лице, а тем паче беретов. Это знают, пожалуй, и сами читатели, для которых предназначена книжка.

«Уж сколько раз твердили миру», что детские книжки издаются порой очень неряшливо.

Л. ТУЛЬЧИН.

ГЕРЦЕНОВСКИЕ МЕСТА

Имя А. И. Герцена, «сыгравшего великую роль в подготовке русской революции» **(Ленин),** дорого каждому гражданину нашей великой родины.

Н. Анциферов в статье «Герценовская Москва» («Литературная газета», от 20 сентября п. г.) напомнил, сколько интересных мест, связанных с именем Герцена, сохранилось до сих пор.

Невольно напрашивается вопрос: что же сделано по охране этих мест?

Собирая материалы для биографии Герцена, я посетил в сентябре с. Покровское-Засекино. В этом селе больше всего памятников герценовской поры.

Здесь находится дом, служивший летней дачей Герцену в 1843 и 1844 гг., сюда приезжали Белинский, Боткин, Грановский, Щепкин. Перед домом — ясень, посаженный по рассказам крестьян, самим Герценом.

Направо перед домом — амбар, построенный отцом Герцена, — несомненно интересный памятник приусадебной постройки дворянской России 40-х годов.

Теперь в Покровском — опытная биостанция Наркомздрава. Директор станции т. Петров пока одинок в попытках предотвратить дом от разрушения. Он включил в смету ремонт дома, распорядился отремонтировать мебель, которая, по его предположению, осталась от Герцена.

Нельзя не приветствовать инициативу т. Петрова, но нам кажется, что о более серьезной реставрации дома следует подумать и другим организациям, в частности Наркомпросу.

Н. МУРАШОВ.

Извещение

21 марта в Доме советского писателя состоится собрание библиотекарей г. Москвы и руководителей читательских кружков, посвященное IV пушкинскому пленуму правления союза советских писателей.

На повестке дня: доклад т. А. А. Суркова «Об итогах IV пушкинского пленума ССП СССР».

Начало в 8 час. вечера.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-68.

Живые творцы былин и сказок

По приглашению редакции «Двух пятилеток» в Москву приехала талантливая сказительница былин и сказок Марфа Семеновна Крюкова из деревни Нижняя Золотица, что на берегу Белого моря.

Марфа Семеновна — представительница знаменитой древней «династии» поморов — сказителей былин и сказок. Из рода в род, из поколения в поколение передавались замечательные творения устного народного поэтического творчества.

Былины и сказки деда Марфы Семеновны — знаменитого сказителя былин Григория Леонидовича Крюкова записывал известный собиратель былин, песен и сказок Рыбников. Замечательной сказительницей была и мать Марфы Семеновны — Аграфена Матвеевна.

Нужно обладать исключительной памятью, чтобы запомнить то огромное количество былин, которые знает и поет Марфа Семеновна. Былинный репертуар ее обширен и многообразен.

Здесь — в интересных и представляющих огромную ценность вариациях — и всем известные былины о богатырях Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Дюке Степановиче, Михаиле Потоке. Уникальная былина о Глебе Володьевиче, о гибели богатырей, о братьях Петровичах и многие другие.

Марфа Семеновна обладает индивидуальной, присущей только ей одной манерой исполнения. Ее передача былин, притчей, сказок, без конца варьируемых, воскрешает все богатство, многокрасочность, «весомость и зримость» русского языка, русского слова.

★

Крюкова — не только хранительница сокровищ русского народного творчества. Она создает новые сказы былины, в которых в своеобразной поэтической форме воспроизводит нашу прекрасную советскую действительность.

Чудесной волнующей сказкой кажется ей самой все путешествие из затерянной в глуши поморской деревушки Нижняя Золотица в столицу Советского Союза — Москву. Марфе Семеновне 59 лет. Она никогда не выезжала из родной деревни Впервые увидела она железную дорогу, паровоз в Архангельске.

В первые же дни своего пребывания в Москве она посетила Музей В. И. Ленина и мавзолей Ильича.

Марфа Семеновна Крюкова.

Под непосредственным впечатлением всего виденного она заплакала, как плачут в поморских деревнях о близком и дорогом покойнике. Через несколько дней родился поэтический «Плач о Ленине».

Сейчас Марфа Семеновна работает над былинным сказом о Сталине. В этом сказе она поэтически преображает впечатления от виденного и слышанного ею во время путешествия в Москву, и от пребывания в столице. Подземные дворцы метро, асфальтовая гладь улиц, новые многоэтажные здания, новые люди. Счастливая и радостная жизнь Советской страны, образ великого вождя воплощаются ею в подлинно народной, высокохудожественной форме.

★

Наша литературная общественность, к сожалению, весьма мало осведомлена **о большой и плодотворной работе над кропотливым собиранием народного творчества** и созданием нового эпоса, которую проделывает редакция «Двух пятилеток».

За последнее время по вызову редакции в Москву приезжали из различных углов нашей страны талантливые сказители былин и сказок.

Недавно в Москве гостили 70-летний сказитель былин Федор Андреевич Канашиков из Карельской Автономной Республики и 29-летний Петр Иванович Рябинин-Андреев также из Карелии, потомок знаменитой фамилии сказителей Рябининых, давших огромный материал собирателям русского фольклора.

Сейчас в Москве — замечательный мастер русской народной сказки — Иван Федорович Ковалев из деревни Шадрино Горьковского края.

Сказители былин и сказок посещают музеи, театры, кино, различные культурные организации столицы. Они обогащаются новыми впечатлениями, новым материалом, на основе которого расцветают советская былина и сказка.

— Был я в Москве в старое время, — рассказывает Иван Федорович Ковалев, — хотел было пойти в кино, но оттуда меня прогнали: одежонка больно худая была. А сейчас меня с почетом всюду принимают.

Иван Федорович создает сейчас на материале наших дней новые советские сказки — «Два героя» — о Ленине и Сталине, сказку о двух сестрах — Марте и Русе, под видом которых он выводит старую Германию и Россию. В сказке «Об Иване несчастном, впоследствии счастливом» он использовал судьбу своего соседа-бедняка, ушедшего 17 лет из деревни добровольцем в Красную армию, а затем окончившего в Москве военную академию.

Живые творцы новых былин и сказок своей практикой разбивают досужие домыслы некоторых «теоретиков», доказывавших, что сказка и былина отжили свой век, что иссякли родники народного творчества. В былинах, в сказках и притчах, тщательно собираемых редакцией «Двух пятилеток», жив творческий дух русского народа — его мудрость, меткость и красочность слова, юмор и наблюдательность, живость поэтического воображения.

Редакции «Двух пятилеток» следовало бы путем организации специальных вечеров ознакомить широкую литературную общественность с живыми носителями богатейших сокровищ поэтического народного творчества, из золотых россыпей которого черпали все великие создатели русской литературы.

О. ДИМИН

Уполномоч. Главлита В—26115

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.